

Ким Болдуин

Разбивая
лед

Ким Болдуин

Разбивая лед

«СОЛИД БУК»

2011

Болдуин К.

Разбивая лед / К. Болдуин — «СОЛИД БУК», 2011

Разрыв с подругой и смерть матери довели ее до депрессии. Но неожиданная находка в вещах матери приводит ее в одно из красивейших мест на планете. В поисках ответов и приключений Карла Эдвардс отправляется за Полярный круг, где встречает сексуальную и притягательную девушку – смелую арктическую летчицу, которая открывает ей глаза на новые возможности. Красочные сцены, сексуальное напряжение и великолепные словесные образы. Эта книга прикует вас к креслу до тех пор, пока не будет перевернута последняя страница.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ким Болдуин

Разбивая лед

SolidBiz.ru
тематическое издательство

Издательство SolidBiz.ru издает лесбийские романы, детективы, триллеры, фантастику, научную фантастику, эротику и общую лесбийскую беллетристику.

Глава первая

21 октября, 9:30 утра. Северная часть города Беттлс, Аляска

Брайсон Фолкнер вышла на крыльцо своего дома, подняла воротник куртки и замерла, греясь в янтарных отблесках позднего северного рассвета. Она внимательно рассматривала окрестности, пытаясь найти в них хоть малейшие перемены. Изменения обнаружились сразу: под столом, на котором она разделявала рыбу и дичь, виднелись свежие волчьи следы – животных без сомнения привлек сюда запах лосося, которого она готовила на обед. Впрочем, сейчас все было по-утреннему спокойно – никаких следов притаившихся хищников. Северные просторы словно замерли в тишине и неподвижности, и только старый ворон, покинув ветви черной ели, зигзагами полетел к Брайсон. Лавируя на ветру и демонстрируя чудеса воздушной акробатики, он приземлился на перила крыльца.

Птица изучила женщину внимательным взглядом умных черных глаз и издала хриплый, но громкий крик.

– Доброе утро, Бандит, – едва Брайсон успела потянуться к своему карману, как ворон снова поднялся в воздух и, на мгновение замерев в невесомости, опустил на ее плечо. Она протянула ладонь с горсткой семечек и изюма, и ворон принялся за угощение так осторожно, словно боялся поранить и без того загрубевшую кожу своим острым клювом.

Пока он лакомился, Брайсон смотрела вдаль на белоснежные вершины гор, с которых никогда не сходил снег. Вершины хребта Брукс готическими шпилями уходили в небо и, образуя настоящие замки, раскидывались на сотни миль. Их подножие обвивали северные реки, а покатые и отвесные склоны обдували ледяные ветры, способные, кажется, лишить жизни кого угодно, кроме этих каменных великанов. Впрочем, что может быть прекраснее, чем природа, которую человеку еще не удалось подчинить себе и превратить в то, что мы привыкли называть «цивилизацией».

Да, стоит признать, Брайсон Фолкнер жила в поистине живописном месте, каждый сантиметр которого был наполнен первобытной и абсолютно дикой красотой. Но не только этим славится Север, так сильно пугающий изнеженных жителей мегаполисов. На Севере есть своя романтика, и заключается она в том, что любое жилище, пусть даже без ковров, гобеленов, хрустальных люстр и прочих элементов декора, автоматически становится уютным очагом, к теплу которого хочется стремиться.

Таким был и маленький домик Брайсон, приютившийся недалеко от слияния двух рек Уальд Ривер и Флэт Крик. Она построила этот дом своими руками, и был он совсем не загородной виллой, а небольшим, но абсолютно удобным строением с одной жилой комнатой, помещением для снегохода и небольшим складом на высоких сваях. Здесь Брайсон и хранила свои запасы дичи, не опасаясь, что они станут добычей для волков и медведей гризли.

Но сейчас, стоя на крыльце, женщина отнюдь не любовалась пейзажами: она пыталась найти в небе подтверждения новости, только что полученной по спутниковому телефону. И подтверждения тут же были найдены: тучи, в которые горные хребты врезались своими шипами, красноречиво говорили о том, что в ее направлении движется шторм. И очень стремительно.

Брайсон уже успела пожалеть о том, что не дозаправила самолет после последнего перелета, но тогда она и так едва успела вернуться домой до заката. И хотя она помнила наизусть каждый камень и каждую неровность на своем маленьком аэродроме, но все же взлетать или садиться в темноте было бы равносильно самоубийству. Взлетная полоса, посыпанная гравием,

была не более тридцати метров в длину, и при любой даже небольшой ошибке самолет рисковал оказаться в стремительном ледяном потоке Уальд Ривер. Впрочем, успокаивало то, что самолет Брайсон был одним из самых современных: он отлично проходил по земле рядом с кустами и поваленными деревьями и, что в данных условиях очень важно, им без труда можно было управлять на коротких взлетных полосах и неровной поверхности. Как и многие другие арктические летчики, Брайсон подготовила свой самолет к серьезным нагрузкам. И это добавляло уверенности, что с таким умным другом можно было выбраться из любой сложной ситуации. Но не стоило забывать и то, что как судьба, так и природа в любой момент могли преподнести не слишком приятный сюрприз.

Так что обладателю такой сложной и опасной профессии всегда приходилось быть начеку. А особенно сейчас, когда время, удобное для посадки возле своего дома, неуклонно сокращалось. Световой день убывал с невероятной скоростью, и Брайсон знала, что через пару месяцев от него останется не больше двух часов. А это означало, что практически любой полет потребует того, чтобы она пользовалась ближайшей освещенной взлетно-посадочной полосой Беттлса в пятидесяти километрах отсюда.

Женщина очнулась от своих мыслей, бросила остатки семечек на землю и направилась к своему самолету – красному «Пайпер Супер Кабу». Пока двигатель прогревался, она отвязала ремни, которые удерживали самолет на месте, и внимательно осмотрела фюзеляж – важно было убедиться, что на нем нет никаких повреждений. И хотя времени оставалось не так много, Брайсон не могла рисковать нарушением тщательной подготовки к полету.

Перелет на аэродром Беттлса занял не более получаса. Управляя самолетом на небольшой высоте, Брайсон следовала на юг вдоль русла реки, петляющей в глубоких ущельях. Казалось, одно неловкое движение, и крыло самолета заденет утесы, раскинувшиеся своей каменной мощью с обеих сторон. Конечно же, летчица знала каждый сантиметр пути, по которому так часто летала, но сейчас она сосредоточенно сжимала штурвал и не позволяла ясному небу притупить ее бдительность: опасный горный ландшафт и непрекращающийся порывистый ветер грозили в любой момент нанести вред ее маленькому самолету.

Беттлс был небольшим поселком, известным в округе своим центром отдыха «Дин», на первом этаже которого располагались бар и ресторан, а на втором – два десятка комнат, готовых принять охотников, рыбаков, путешественников, фотографов. Для этих и других искателей приключений именно Беттлс становился отправной точкой при вторжении в мир дикой природы. Заповедники этого далекого и, как может показаться на первый взгляд, негостеприимного края раскидывались на сотни тысяч километров и не переставали манить романтические сердца своими поистине потрясающими пейзажами, нетронутыми просторами и редкими видами животных. Что и говорить, ни одно столетие человек провел, будучи скованным стенами домов, пиджаками, корсетами, правилами хорошего тона, дипломами о высшем образовании, контрактами и короткими отпусками, но цивилизации так и не удалось изгнать из страстных сердец дух завоеваний.

Джером Хадсон, владелец «Дина», лично подбежал поприветствовать Брайсон, пока та заполняла баки горючим.

– Привет, детка! Как дела? Кажется, небо предвещает нам серьезные неприятности?

Джером Хадсон был известен как Гриз, и с первого же взгляда становилось ясно, за что он получил это прозвище. Огромный, звероподобного вида мужчина с нечесаной бородой и с такими же волосами, доходивших до плеч – так он выглядел уже более тридцати из своих шестидесяти двух лет. Темные глаза и слегка выдающиеся зубы дополняли его сходство с диким медведем. С Брайсон его связывала настоящая дружба, кроме того, после смерти ее отца Гриз взял на себя обязанность присматривать за летчицей.

Брайсон бросила оценивающий взгляд на плотную стену угольно-черных туч, стремительно надвигающуюся с северо-запада:

– Похоже на то. Чувствую, мне придется прямо сейчас отправиться за одним фотографом. Он за горой Гансайт. И у него нет ни амуниции, ни припасов для того, чтобы переждать продолжительную бурю.

Гриз тоже бросил взгляд на небо:

– У тебя мало времени, чтобы успеть сгонять туда и обратно, прежде чем нас полностью накроет бурей.

– Тоже мне новости. Но ты не беспокойся, Гриз, – Брайсон вытащила заправочный пистолет и улыбнулась. – Скорее всего, я не успею вернуться к себе домой, так что придержи для меня комнатку, ладно?

– Конечно, – Гриз положил свою большую ладонь на плечо Брайсон, когда та уже садилась в кабину. – Поосторожней там.

– Я всегда осторожна.

Фотограф оказался на Аляске исключительно по долгу службы: его целью были овцы Делла, обитавшие на высокогорных склонах, добраться куда своими силами не представлялось возможным, поэтому ему пришлось воспользоваться услугами так называемого авиатакси. Тогда-то Брайсон и оставила мужчину на краю ледника, на высоте около километра, где, как предполагалось, ему ничто не помешает выполнить свою миссию. Но северная непредсказуемость не заставила себя долго ждать, и Брайсон пришлось вернуться за своим клиентом раньше намеченного срока. Она кружила над тем местом, где оставила фотографа. В данный момент затянутое облаками небо было хорошим подарком, что позволило Брайсон осмотреться и рассчитать свое приземление. Она видела, как древний лед светился глубоким синим цветом сквозь тонкую завесу белого снега. В солнечный день приземление здесь было бы невозможно: искристое сияние снега зачастую ослепляло так, что нельзя даже оценить расстояние, не говоря уже о том, чтобы заметить трещину в леднике.

Сделав три круга, Брайсон отыскала на одной из сторон ледника площадку, вполне пригодную для посадки. Летчица стала снижаться, одновременно сбрасывая скорость, и приготовилась к удару лыж о поверхность льда. Когда самолет практически остановился, она потянула за штурвал и развернула его, подготавливая тем самым к быстрому отлету назад в поселок.

Как только она открыла дверцу, поток ледяного воздуха ударил ей в лицо, и, воспользовавшись открытым воротником, пробрался под куртку, прокатившись по всему телу. Выругавшись, она застегнула молнию, натянула шапку и еще одну пару перчаток.

Брайсон вышла из самолета и оглядела заснеженные дали – фотографа нигде не было видно. Впрочем, она не волновалась: еще с воздуха она увидела его палатку неподалеку и знала, что мужчина непременно исполнит полученные указания. А указания были таковы: если он услышит звук приближающегося самолета раньше запланированного времени, то должен как можно скорее собраться и прийти в оговоренное место. Несмотря на постоянный сильный ветер, акустика горной местности была такова, что гул даже маленького самолета был слышен задолго до того, как тот успеет оказаться в поле зрения.

И все же Брайсон пришлось ждать своего клиента. За это время она протоптала дорожку, обозначившую взлетную полосу и снова осмотрела самолет так же внимательно, как и полтора часа назад. К тому времени, когда показался фотограф со своим рюкзаком, она уже начала волноваться из-за резко ухудшившейся погоды. Темные тучи в считанные минуты скрыли из виду все самые высокие пики этой местности, скорость ветра заметно увеличилась, а температура резко упала.

– Возникли какие-то проблемы? – подходя ближе, ее клиент закричал как можно громче, но сильный рев ветра заглушал его слова. Это был внештатный фотограф журнала «Охота на Крупную Дичь». В свои пятьдесят лет он был настолько грузным, что к тому времени, когда добрался до аэротакси, уже судорожно хватал ртом воздух.

Двигатель самолета к этому моменту был прогрет, а Брайсон стояла у открытой двери в багажный отсек, располагавшийся сразу за сиденьями.

– Надвигается сильный шторм. Нам стоит поторопиться, – сказала она и нетерпеливым жестом приказала ему убрать рюкзак.

Фотограф нахмурился и не сдвинулся с места:

– Я еще не закончил. Мне еще нужно...

– Это не обсуждается! Быстро забирайтесь внутрь, – резко оборвала его Брайсон, практически срывая рюкзак с плеч мужчины. Но тот все равно не сдвинулся с места. – Сейчас же! Или следующую пару недель вы проведете здесь, отмораживая задницу в своей палатке.

Обычно она была очень вежлива с клиентами, большую часть которых составляли бизнесмены среднего возраста. Брайсон привыкла к удивленному или даже испуганному выражению на их лицах в тот момент, когда они узнавали, что их арктический пилот – женщина. Пусть даже и очень милая брюнетка, выглядевшая лет на десять моложе своих сорока. Она, конечно же, разрушала сложившийся образ сказочного рыцаря, похожего на Харрисона Форда, сияющего силой и мужеством и всю дорогу хвастающегося своими великими подвигами. Да, Аляска действительно преподносит сюрпризы.

Впрочем, стоит отметить, что, как правило, на вежливость Брайсон клиенты отвечали тем же самым и позволяли себе разве что невинный с виду вопрос о том, как давно она летает. Но этот фотограф даже не пытался скрыть своих сомнений в ее профессионализме: он учинил ей форменный допрос, граничащий с грубостью. Признаться, Брайсон пришлось сделать над собой усилие, чтобы не показать своего раздражения и сохранить свойственную ей хладнокровность.

Они успели подняться всего лишь на пару десятков метров, когда почувствовался первый толчок турбулентности. Крохотный самолет тряхнуло так, словно он попал в миксер. Земля рванулась им навстречу с ошеломляющей скоростью.

– Какого черта... Так и должно быть? – закричал фотограф со своего сиденья за спиной Брайсон. В этот момент летчица даже с удовольствием представила, какое выражение сейчас было на лице этого типа. Она знала, что даже самые крутые мачо в такие моменты становились белее снега. Но у нее не было времени на то, чтобы убеждаться в своей правоте – она была слишком занята тем, чтобы удержать Пайпер в воздухе.

– Все будет в порядке. Просто держись крепче. Все закончится очень быстро, оглянуться не успеешь, – она боролась с потоками воздуха, изо всех сил вцепившись в рычаги управления. Но самолет провалился еще на пять метров вниз, скользя вдоль ледника и едва не задев крылом край отвесного каменистого обрыва. Они летели так низко, что можно было различить следы, оставленные проходившими здесь горными козами.

– Черт! – закричал ее пассажир за секунду до того, как содержимое его желудка растеклось желто-розовой кашцей по стеклу правого иллюминатора.

– Это не поможет, – Брайсон стиснула зубы от нахлынувшей волны зловоний, стараясь сдерживать тошноту, и полностью сосредоточилась на управлении. Ветер с остервенением бил и бросал их из стороны в сторону. От каждого выигранного в этой невероятной борьбе метра высоты, ветер забирал себе половину обратно.

Наконец они добрались до более спокойного участка. Внизу показалась широкая долина, раскинувшаяся меж гор. Из-за темных туч, очень низко нависших над долиной, Брайсон пришлось вести самолет еще ниже, так, что он едва не касался вершечек деревьев. Это привело пассажира в еще больший ужас: он мертвой хваткой вцепился в ремень над своей головой и, кажется, уже готов был завизжать совсем по-женски.

За эти несколько относительно спокойных минут Брайсон удалось немного расслабить мышцы и дать своим рукам отдохнуть. Но передышка длилась совсем недолго, и уже через

мгновение их снова с бешеной силой закружило в вихре непогоды. Крупный град замолотил в лобовое стекло.

Брайсон понимала, что сейчас нужно мчаться к аэродрому на максимальной скорости, чтобы успеть посадить машину до того, как ее крылья и корпус покроются льдом. Но разогнаться она не могла – сильный встречный ветер то и дело отбрасывал самолет назад. К тысяче разных деталей, которые требовали ее внимания, добавилась еще одна – постоянно высматривать удобное место для экстренной посадки на случай, если это потребуется.

Ее радио с треском вернулось к жизни:

– БТТ к А2024Б «Пайпер». Брайсон, слышишь меня?

Этот хриплый баритон принадлежал ее приятелю, Майку Суини по прозвищу Скитер. Он был ее коллегой – таким же арктическим летчиком, как и она, подрабатывающем на станции Федерального Авиационного Агентства, расположенной в Беттлсе.

– А2024Б «Пайпер», – ответила Брайсон, повторив идентификационный номер, написанный на борту ее самолета. – Как обстановка, Скитер? У нас тут весьма беспокойно.

– Гриз попросил окликнуть тебя. Тут тоже все ходуном ходит. Тучи ниже шестидесяти метров, ветер сумасшедший, и все начинает леденеть к чертям собачьим.

Быстрый взгляд на экран навигатора показал Брайсон, что до аэродрома оставалось еще двенадцать километров. Это не было большим расстоянием, но при таких погодных условиях и пара лишних километров может стоить очень дорого. Брайсон надеялась, что им повезет добраться до аэродрома, но все же не переставала высматривать внизу подходящее для посадки место.

– Все будет в порядке. Трясет, но бывало и хуже, – спокойно проговорила она.

– Понял. Огни на полосе включены на полную. Я присмотрю за тобой по радару. Конец связи.

Заметив очередной узкий каньон впереди, Брайсон крепче ухватилась за штурвал и рискнула взглянуть в зеркало заднего вида на своего пассажира:

– Еще одна карусель впереди. Если снова станешь блевать, пакет под сиденьем.

Летчица очень надеялась, что эта информация предохранит ее иллюминаторы от дальнейших посягательств. Видимость была плохой и без очередной порции полупереваренных яиц с ветчиной на стекле ее самолета.

Когда мужчина наклонился за пакетом, она добавила:

– Если ты больше не будешь пачкать мой самолет, то я сделаю тебе скидку на все последующие полеты.

Но зеленоватый оттенок лица ее пассажира говорил о том, что вряд ли он решится на подобное путешествие еще раз даже бесплатно.

Как Брайсон и ожидала, воздушные потоки в узком каньоне оказались свирепым противником. Но ей удалось набрать достаточную высоту, прежде чем встретиться с ними, и поэтому, когда самолет бросило вниз, она смогла удержать его от погружения в ледяные воды реки. Одни противники сменялись другими, не давая пилоту расслабиться ни на минуту. Самолет швыряло из стороны в сторону с ужасающей непредсказуемостью. Брайсон не без волнения отметила, что крыло дважды оказывалось буквально на расстоянии вытянутой руки от отвесной каменной скалы.

Летчица в очередной раз собралась с силами, стараясь не обращать внимания на бормотание пассажира, сбивчиво читающего «Отче Наш». Она глубоко и прерывисто вдохнула, стараясь успокоиться, когда по изменившемуся звуку ее пропеллера поняла, что лопасти начинают покрываться ледяной коркой.

Брайсон ощущала, что ведет неравный бой со стихией: последние километры стали настоящим испытанием ее мастерства и опыта арктического пилота. К тому времени, когда она

выровняла самолет, она не могла подняться выше десяти метров, и ей оставалось полагаться лишь на свое знание местности и GPS-навигатор.

Затаив дыхание, она напряженно всматривалась в пелену снега и града в поисках взлетно-посадочной полосы. Скитер включил двойные линии посадочных огней и зажег четыре двухсотлитровые бочки – по две в начале и конце полосы. Они и были тем, что увидела Брайсон раньше всего, сделав себе мысленную пометку угостить его пивом. Еще несколько метров, и самолет завершил очень мягкую в подобных погодных условиях посадку.

Фотограф издал вздох облегчения и перекрестился.

– Спасибо, что летаете самолетами компании «Веселые полеты», – со злой иронией отрезала летчица, пока вела Пайпер по земле. – Поскольку наши стюардессы были слишком заняты, чтобы обслуживать вас во время полета, вы можете заказать ободряющие напитки в заведении под названием «Дин».

Стоит отдать должное, если у летчиков и была какая-то общая черта, то это – готовность изо дня в день смотреть в лицо смертельной опасности, не теряя чувства юмора.

Все еще сжимая в руках бумажный пакет, фотограф выбрался из самолета и, не замечая ни ее слов, ни бушующей непогоды, направился напрямик в бар. Брайсон тихо рассмеялась. Гриз сегодня непременно получит пару баксов от ее клиента, когда тот закажет себе несколько бокалов хорошего шотландского виски.

Глава вторая

21 октября, утро. Атланта, штат Джорджия

– Карла! Я знаю, что ты там! Прошу тебя, хватит! Сними трубку! Я уже не просто волнуюсь, я близка к панике.

Карла очень ярко представила себе лицо подруги Стеллы, бегущей через приемное отделение больницы с мобильным телефоном в руке. Она и без того была просто неугомонной, никогда не могла усидеть на одном месте дольше пяти минут. А сейчас еще получила повод развернуть активную деятельность по спасению Карлы. Впрочем, у Стеллы были все основания для беспокойства: после похорон она непрестанно звонила и писала Карле сообщения, но все это осталось без ответа.

– Дорогая, я знаю, как тебе сейчас тяжело, что ты не хочешь никого видеть... Но ведь так нельзя! Я забегу к тебе после работы. И надеюсь, на этот раз ты, черт побери, откроешь мне дверь! Давай хотя бы выйдем куда-нибудь перекусить. Я люблю тебя и очень переживаю.

Но Карла не собиралась впускать Стеллу в дом, потому что даже, несмотря на душевную боль, лишившую ее связи с реальным миром, она понимала, что ее подруга будет просто шокирована и ее внешним видом, и беспорядком в квартире. За эти дни Карла страшно похудела, а из-за болезненной бледности и темных кругов под глазами ее, кажется, невозможно было узнать. Она не могла взять себя в руки, и, в итоге, даже перестала ухаживать за собой и принимать душ. С первого взгляда невозможно было догадаться, что это и есть та самая утонченная девушка с фотографии на столе, с изысканными чертами лица и золотистыми волосами.

Ее маленькая квартирка выглядела отнюдь не лучше. Повсюду – на столах, на книжных полках и даже на полу – стояла грязная посуда: невымытые кружки с оставшимся в них холодным, подернутым темной пленкой кофе, тарелки с засохшими остатками, в которых уже трудно было узнать еду. В завершение к царившей в квартире атмосфере полного отчаяния, Карла перестала даже открывать плотные шторы и совершенно потерялась во времени, не отличая день от ночи. И только бледный свет единственного торшера спасал ее от всепоглощающей тьмы.

На полу были раскиданы фотографии, лежали раскрытые альбомы, разные памятные мелочи, сувениры. Создавалось впечатление, что в квартире только что побывали грабители и в поисках ценных вещей без сожаления перевернули все вверх дном, внеся хаос в каждый уголок когда-то уютного жилища. И среди этого кошмара сидела Карла, потерянная и, кажется, совершенно убитая горем.

Все эти вещи, разбросанные по полу, когда-то бережно хранились в коробках, куда они складывались на протяжении четырех счастливых лет жизни с Эбби. А потом Эбби ушла, оставив после себя только эти ненужные вещи и невероятно болезненные воспоминания. С момента расставания прошел уже целый месяц, но боль и не думала оставлять сердце Карлы, она была в нем такой же сильной, как и в первый день после предательства. А произошло самое банальное событие (таких в мире уже миллионы) – подруга Карлы влюбилась в коллегу-адвоката и последовала зову своего сердца. Да, любовными треугольниками никого не удивить, и они не кажутся чем-то страшным и необычным, когда происходят в чужой жизни, в бесконечных сериалах или бульварных романах, но оценить весь трагизм можно только в том случае, когда затронуты наши собственные чувства.

И вот теперь Карла разглядывала старые фотографии и спрашивала себя, что же в ее жизни можно считать настоящим. Она была уверена, что у нее есть все – любовь, семья, дом, счастье, – но в один миг все оказалось обманом. А была ли вообще Эбби? Билеты в кино, сувени-

ниры из совместных поездок и игрушки говорили о том, что все же была. Но все эти вещи вряд ли могли служить доказательством того, что любовь и доверие тоже были. Карла не могла свыкнуться с мыслью, что так ошибалась, что была слепа, что до последнего дня не замечала никаких изменений. Эбби, которая еще день назад спокойно ужинала с ней и обсуждала фильмы, собрала вещи и исчезла из ее жизни. Исчезла и оставила после себя мир, в котором спуталось реальное и вымышленное.

Но судьба оказалась очень жестокой по отношению к Карле, и без того надломленной. За этим ударом последовал еще один, куда более сильный, – две недели назад ее мать умерла от сердечного приступа. Карла и сама не понимала, как смогла пережить похороны самого близкого человека и остаться при этом живой. В тот день Карла потеряла веру в то, что в жизни все еще может что-то наладиться, она чувствовала себя абсолютно ненужной и всеми покинутой. С тех пор она замкнулась в себе, не выходила из квартиры, не разговаривала ни с друзьями, ни с коллегами по работе. К счастью, ей был предоставлен неограниченный отпуск в отделении скорой помощи, где она работала медсестрой. Дверь Карла открывала лишь один раз, и только потому, что пришли из дома престарелых, чтобы отдать вещи, принадлежавшие ее матери.

Понадобилось много сил, чтобы открыть эту посылку. Она отодвинула от себя коробки, хранившие воспоминания о жизни с Эбби, и мысленно приготовилась к очередному приступу отчаяния. Карла думала, что больше не сможет плакать, но с каждой вещью, которую она доставала из коробки, к горлу подкатывал ком, и глаза наполнялись новой порцией слез.

Карла держала в руках украшения и шарфы своей матери. Эти вещи та носила до того как болезнь Альцгеймера не оставила ни следа от ее когда-то безупречного вкуса. В последние месяцы своей жизни мама не снимала с себя блузку цвета лаванды и начинала нервничать каждый раз, когда дочь пыталась постирать ее. В итоге, Карле пришлось пробежать по всем магазинам города в безуспешных поисках второго такого экземпляра.

Карла сжала блузку в руках и прижалась к ней лицом, надеясь уловить знакомый аромат духов из пачули. Но блузку, должно быть, постирали, прежде чем вернуть. И Карла почувствовала себя так, словно у нее забрали последнюю ценную вещь.

До поздней ночи женщина перебирала украшения своей матери. Драгоценностей оказалось много, и с каждым из них была связана какая-то история. Карла гладила пальцами холодный камень изысканного ожерелья уже больше часа. Потерявшись в мыслях о прошлом, которое сейчас казалось таким счастливым. Она плакала до тех пор, пока ее виски не начало ломить от боли. Потом она сунула ожерелье в карман не в силах расстаться с ним.

Перебрав драгоценности, Карла отыскала в коробке коллекцию фигурок кроликов, которые так нравились ее матери. Была там и изогнутая глиняная ваза, сделанная Карлой еще в четвертом классе на День Матери. Старые школьные дневники, фотографии, локон ее детских волос... Нашла Карла и несколько вещей, которые она никогда раньше не видела – прядь других волос, рыжих и вьющихся, которые вряд ли принадлежали кому-либо из их семьи. Была там и раскрашенная пепельница, выглядевшая так, будто ее сделал ребенок. Это показалось Карле довольно странным – ее родители никогда не курили. Зачем мать хранила эти вещи? Памятью о чем они были?

Только к рассвету Карла добралась до документов – копии завещания, страховых бумаг, банковских документов, свидетельствах о браке и рождении детей. Был там и паспорт с давно истекшим сроком действия. И под всем этим она нашла запечатанный конверт, на котором рукой ее матери было написано: *«Карле. В случае моей смерти»*.

Последние два года своей жизни ее мать не понимала слов, и уже больше четырех или пяти лет не могла писать. Очевидно, письмо было написано очень давно. По щекам Карлы снова потекли слезы: письмо подарило ей возможность снова «услышать» свою маму. Последние месяцы жизни та уже не могла разумно говорить с людьми, а потом и вовсе перестала кого-

либо узнавать, даже свою дочь. Карла скучала по общению с ней. И вот сейчас чувствовала, что Бог преподнес ей последнюю радость.

Три листка плотной бумаги перенесли Карлу в то время, когда ее мать была еще энергичной и умной женщиной.

Моя дорогая Карла!

Я пишу тебе письмо и наблюдаю за тем, как ты бегаешь по кухне, заканчивая украшать праздничный пирог, который ты приготовила на мой день рождения. Сегодня мне исполнилось 44.

Ты замираешь время от времени над своим кривобоким творением, чтобы улыбнуться мне и извиниться за недостаток кулинарного искусства. Но ты даже не представляешь, как я счастлива, думая о том, какой женщиной ты стала – заботливой и доброй ко всем людям. Но больше всего я восхищаюсь твоим умением выдерживать любое испытание судьбы, не теряя при этом решительности и оптимизма.

Дорогая моя, эти качества понадобятся тебе в будущем. Мое здоровье неотвратимо ухудшается, но я верю в то, что Бог подарит мне еще несколько лет, которые я смогу провести с тобой. Но когда-нибудь нам все равно придется расстаться, такова жизнь, и с этим уже ничего не поделаешь. Но я уверена, что тебе хватит сил справиться с этим. Просто не забывай о том, что мне будет совсем не тяжело проститься с жизнью, потому что она была у меня счастливой, и я успела сделать все, о чем другие могут только мечтать. И ты – самое большое тому доказательство.

И когда тебе будет особенно грустно, вспоминай о тех чудесных мгновениях, которые были у нас с тобой. И прими мой уход как благословение, ведь я никогда не оставлю тебя. И даже в том случае, если покину свое тело, я буду присматривать за тобой с Небес, где, наконец, окажусь рядом с твоим отцом, которого мне так не хватает.

Я знаю, ближайшие несколько лет станут для тебя огромным испытанием. И я заранее прошу у тебя прощения.

Знаешь, ведь я молю Бога о том, чтобы ты в тот момент, когда будешь читать это письмо, все еще могла вспомнить меня такой, какая я сейчас. Но больше всего я хочу, чтобы ты нашла в себе силы понять и принять тайну, которая не давала мне покоя на протяжении многих лет.

У тебя есть сестра.

Карла, не отрывая взгляда, смотрела на эти слова до тех пор, пока ей не начало казаться, что они раздвинули остальные строчки письма и увеличились, заполняя собой все пространство листа.

У тебя есть сестра.

Как она могла скрыть это от нее? Всю свою жизнь Карла считала себя единственным ребенком в семье. Ее родители были, как ей казалось, самыми достойными людьми на планете, откровенность и честность для них всегда стояли на первом месте. И они научили ее этому. А через столько лет выясняется, что и это оказалось ложью. Карла не знала, можно ли вообще после такого верить людям.

Ребенком она очень хотела, чтобы у нее был братик или сестренка. Она даже придумала себе воображаемую младшую сестру, которую назвала Эмили. А родители подыгрывали ей – укладывали Эмили в кроватку рядом с Карлой, ставили дополнительный столовый прибор за обедом. Но никогда – никогда! – не упоминали о том, что настоящая Эмили существует. *Настоящая Эмили существует*, – отдалось эхом в голове Карлы.

Боже, как жить дальше? Она думала, что не переживет обмана человека, с которым она провела четыре года. А как пережить то, что ей лгали люди, которых она знала всю свою жизнь? Отчаяние накрыло Карлу новой волной, и перед глазами все поплыло.

Она напряженно смотрела на письмо, но строчки сливались, а голова начала мучительно болеть. Карле понадобилось огромное количество сил, чтобы справиться с собой и прочесть письмо до конца.

За пять лет до того, как я встретила твоего отца и вышла за него замуж, я забеременела. Мне было всего шестнадцать – я и сама на тот момент была ребенком и многого не понимала. Влюбилась в парня из нашей школы и совсем потеряла голову. Его звали Джеймс О'Хара.

После того, как мои родители поговорили с родителями Джеймса, меня отослали в дом для незамужних матерей. И еще до рождения ребенка убедили в том, что и для меня, и для ребенка будет лучше, если я отдам его на усыновление. Так делали многие девушки в то время, в особенности девушки из католических семей.

Я смогла лишь мельком увидеть свою дочь и убедиться, что она родилась здоровой. У нее были выющиеся рыжие волосы, в точности как у ее отца. А потом монашки забрали ее от меня.

Ты даже не представляешь, как я страдала, очень долго жалела о своем решении. Разными путями я пыталась узнать, что случилось с моей дочерью. Но прошло время, и я поняла, что решение моих родителей было правильным.

А потом я встретила твоего отца. Я долго сомневалась, стоит ли рассказывать ему об этом. Я очень боялась, что, когда он узнает, что я совершила, то разочаруется во мне. А мои родители настаивали на том, чтобы я хранила в тайне «ошибки своей молодости» (так они это называли). Я все тянула и тянула с признанием, а время шло... Разве могла я рассказать об этом спустя год после нашей свадьбы? Или через пять лет? Или через десять? К тому же я понятия не имела о дальнейшей судьбе моей девочки.

Незадолго до смерти твоего отца, моя мать, находясь при смерти, рассказала мне, что все это время знала, кто вырастил мою дочь. Ее новых родителей звали Ричард и Джоан ван Роям. Эта семейная пара была знакома с моими родителями. По словам матери, они были очень хорошими людьми, но не могли иметь детей, хотя очень этого хотели.

Моя мать тогда попросила у них только две вещи – переехать в другой штат, но обязательно писать ей письма и рассказывать о ребенке. Они согласились. И все это время присылали моей матери фотографии с дней рождения девочки, выпускных вечеров и каникул. Она выбрасывала их сразу после того, как получала, боясь, что я или мой отец узнаем об этом.

Когда она поняла, что умирает, то, наконец, решилась рассказать мне правду.

Твою сестру зовут Мэгги. Она выросла на Аляске и вышла замуж за человека по имени Ларс Расмуссен. Они живут в городе Фейрбенкс. Как мне рассказала моя мать, приемные родители твоей сестры никогда не рассказывали ей правду о ее рождении. Надеюсь, ты сможешь отыскать ее. И у тебя будет сестра, о которой ты всегда мечтала. Если ты найдешь ее, пожалуйста, скажи Мэгги, что я постоянно думала о ней и ни на минуту не переставала жалеть о своем поступке.

С любовью к тебе, моя дорогая. Держись.

Мама.

Сказать, что Карла была удивлена или даже поражена – было бы не сказать ничего. Открывшаяся тайна просто оглушила ее.

Мэгги Расмуссен, – гудело в голове. Если она родилась, когда матери было шестнадцать, то сейчас ей, должно быть, около сорока. На четыре года больше, чем Карле.

Столько лжи за такое короткое время. Принять и осознать это было трудно. Очень трудно. Но мысль о том, что теперь она, Карла, не одинока, вселяла надежду в разбитое и уставшее болеть сердце. *У нее снова есть семья.* И, несмотря на то, что всю жизнь они не знали друг о друге, Карла верила в то, что им удастся наверстать упущенное.

Безысходность начала отступать, как будто только что кто-то бросил спасательный круг в море отчаяния.

Какая она, моя сестра? Обрадуется ли она моему появлению? Живет ли она все еще в Фейрбенксе? Письмо было написано тринадцать лет назад, и сейчас Мэгги Расмуссен могла быть где угодно.

Карла встала, все еще сжимая в руках листы бумаги, и подошла к своему компьютеру. Радовало то, что в наше время можно найти кого угодно при помощи интернета.

21 октября, вечер. Беттлс, штат Аляска

Несмотря на снежную бурю, бушующую по всей Аляске, двадцать шесть из двадцати семи обитателей Беттлса безмятежно наслаждались ужином, выпивкой и вечерними развлечениями в «Дине». Гриз играл на бас-гитаре, его жена Элли – на фортепиано, Брайсон – на барабанах, а Ларс Расмуссен – на альт-саксе.

Бар, в котором они сидели, был типичным для Аляски: большая комната с деревянным полом, усыпанным шелухой от арахиса, и стенами, отделанными темными дубовыми панелями. Чучело медведя гризли приветствовало посетителей у входа, а стены были увешаны головами лосей, да рогами оленей карибу. Барная стойка располагалась вдоль одной стены, кабинки – вдоль другой, а оставшуюся часть зала заполняли столы и стулья различной формы.

«Беттлс Бэнд» – так себя называли музыканты, расположившиеся на небольшой сцене в углу зала. Разумеется, музыка для них была чем-то вроде хобби, оттого и концерты их были большей частью импровизированными и случались нерегулярно, в зависимости от погоды и количества приезжих. Когда небо было чистым, а клиентов много, то Брайсон обычно летала, а Ларс работал проводником охотников и рыбаков. Но когда снежная буря или туман заставляли их обоих в городе, то слух о намечающейся вечеринке распространялся очень быстро. Сегодня была ночь джаза, который очень любили все жители Беттлса.

Брайсон и Ларс были единственными присутствующими из поселенцев, которые жили довольно далеко от города. Еще было слишком рано для снегоходов или собачьих упряжек, а погода слишком плоха для путешествия на лодках, поэтому эти отважные смельчаки, обитавшие в лесной глуши, не могли добраться домой. В зале было полно индейцев-атабасков из соседней деревни и человек шесть японских туристов, прибывших сюда, за Полярный Круг, в надежде полюбоваться северным сиянием. Единственным человеком, которого не сильно интересовал концерт, был тот самый фотограф, которого везла Брайсон. Он провел очень много времени в баре, прежде чем, спотыкаясь, подняться наверх, в свою комнату.

Группа закончила исполнение своей интерпретации «All of Me» под несмолкающие аплодисменты и сделала небольшой перерыв. Брайсон как раз прятала свои барабанные палочки, когда к ней подошла Дженева де Лука, работавшая в «Дине» официанткой:

– Приветик, Брай. Вы, ребята, сегодня просто зажигаете!

Дженева была соблазнительной брюнеткой с пышными формами, гладкой оливковой кожей, дымчато-серыми глазами и полными губами, которые, казалось, всегда были готовы к поцелую. Когда-то Брайсон проявила слабость и поддалась ее обаянию. Их флирт затянулся на целых три месяца. Но потом Брайсон решила, что будет лучше, если их отношения оставить платоническими. С тех пор прошло полгода, но Дженева все еще пыталась заставить Брайсон передумать.

– Просто сегодня хорошие слушатели, – Брайсон поднялась на ноги и улыбнулась. – Им легко угодить.

Дженева рассмеялась:

– Мне тоже, но сейчас разговор не об этом, да?

– Джен, мы это уже обсуждали...

– Да-да, я знаю. Кстати, у Элли получается все лучше и лучше. Она очень много времени тратит на репетиции.

– Заметно, – ответила Брайсон. – Ее репертуар расширяется. Бьюсь об заклад, что к весеннему половодью она будет чертовски хорошо играть.

Все музыканты Севера за время долгой зимы начинали играть лучше, потому что в это время практически нечем было заняться – можно было репетировать дни напролет. Элли играла не больше года. Она села за фортепиано, когда бывший участник их группы, работавший лесным проводником, переехал в Калифорнию, устроившись на более легкую работу.

– Жаль, что сегодня так мало приезжих, – Дженева осмотрела посетителей и снова взглянула на Брайсон. – Я надеялась, что свободных мест не будет, и тебе придется ночевать вместе со мной.

– Перестань, – ответила Брайсон, но в ее голосе не было недовольства. – Ты же знаешь, что подобное больше не повторится.

Дженева преувеличенно вздохнула и обиженно надула губки:

– Ты жестока, Брай, а я ведь так стараюсь... Когда вспоминаю о том, что случилось...

А случилось то, что в прошлый раз, когда они были вместе, Дженева по-настоящему удивила Брайсон игрушками, заказанными по почте. Признаться, летчице даже нравилось все то, что между ними происходило, но лишь до тех пор, пока Дженева не призналась, что влюбилась и хочет жить вместе.

Возвращение Ларса на сцену с двумя бутылками холодного «Черного Когтя» спасло Брайсон и от Дженевы, и от воспоминаний о том вечере.

– Мне показалось, что пора идти к тебе на выручку, – Ларс подмигнул Брайсон, когда Дженева отошла достаточно далеко. – Хотя мне непонятно, почему ты так от нее бегаешь. Не похоже, что у вас обеих много других вариантов на данный момент.

– Спасибо, в моей жизни хватает подобного рода экспериментов.

Стоит отдать должное, что внешность Брайсон и род ее деятельности представляли собой убийственную комбинацию, перед которой не могли устоять практически все приезжие женщины. Так что она вполне могла собой гордиться: с ней флиртовали даже женщины, для которых подобное поведение не было свойственным. А если поблизости не оказывалось какой-нибудь романтической натуры, мечтающей закрутить роман с отважной летчицей, то та самая отважная летчица просто садилась в свой Пайпер и через два часа оказывалась в Фейрбенксе. А там найти себе подружку не составляло никакого труда.

– Даже не сомневаюсь, – рассмеялся Ларс. – И все равно она милая девушка, и тебе должно быть стыдно, отказываться от столь прелестной компании.

– У нас мало общего кроме... ну, *этого*. И пока *этого* будет хватать с теми, кого я никогда больше не увижу, «мало» мне будет недостаточно. К тому же, я не хочу обижать одну из немногих женщин, на нескольких сотнях километров вокруг. Но той искры, которая нужна мне, в ней нет. Только и всего.

В двадцать лет Брайсон, как и все молодые девушки, мечтала иметь нечто большее, чем череда мимолетных связей. Она хотела найти ту особенную, которая заполнит собой весь мир и позволит ей парить в воздухе, как это описывали в книгах про настоящую любовь, которые она читала. Брайсон искала особенных отношений, таких, как у ее родителей, которые были по-настоящему единым целым.

Душа мечтала о нежных чувствах и одновременно рвалась в глушь. Наверное, в этом и заключался основной парадокс натуры Брайсон: ей хотелось домашнего тепла и уюта рядом с любимым человеком, но все равно тянуло в холод негостеприимной природы Севера. Ей были действительно дороги эти бескрайние просторы, горные вершины. Только здесь она ощущала бесконечное спокойствие, чувствовала себя божественно умиротворенной и бесконечно живой. Была какая-то непонятная и одновременно неразрывная связь между ней и этими первобытными лесами, горами и реками.

Четыре года, проведенные в Университете Штата Аляска убедили Брайсон в том, что городской стиль жизни ей абсолютно не подходит. Она всей душой ненавидела бетон и асфальт под ногами. Ей становилось плохо от запаха выхлопных газов. И в конечном итоге она пришла к выводу, что неудачным будет каждый день, который начнется с того, что она снова увидит перед собой коробки домов из стали и кирпича и рекламные щиты на них. Нет, для счастья ей нужно было совсем другое. Это она знала наверняка.

Брайсон готова была, не задумываясь, отправить в мусорный бак всю современную технику, без которой другие не представляли своей жизни. Оставить она была готова разве что свой MP3-плеер и проигрыватель DVD-дисков. У нее был генератор, но она редко им пользовалась: обогревала дом дровяной печью и на ней же готовила себе еду. Летчица стирала и мылась в большой стальной ванне и ночи напролет читала книги при свете керосиновой лампы. Стоит сказать, что и в вопросах хранения продуктов она не отступала от своих принципов: холодильника у нее не было – только устланный соломой жестяной ящик, поэтому скоропортящиеся продукты приходилось есть быстро.

Когда в город приезжали туристы и рассказывали о новом модном TV-шоу или каких-нибудь интернет-сплетнях, Брайсон совершенно не понимала, о чем они говорят. Но ей было все равно. Она сама выбрала этот первобытный, примитивный образ жизни в одном из самых суровых уголков на планете. И она уже давно смирилась с тем, что, вероятно, никогда не найдет женщину, которая захочет принять ее такой, какая она есть. Брайсон была реалисткой и прекрасно понимала, что вряд ли найдется кто-то, кто сможет разделить с ней ее мечту и остаться здесь.

А в те минуты, когда было особенно одиноко, Брайсон утешали друзья, разделяющие ее увлечения. Среди них Ларс с Мэгги были самыми близкими.

– Я получила несколько хороших оленьих стейков от Тиконов за то, что подбросила их до городка Анатктувук. Мясо надо бы съесть поскорее, – говорила она Ларсу. – Когда погода успокоится, приглашаю вас обоих на барбекю.

Как и большинство арктических летчиков, в те дни, когда Брайсон не была занята работой, она как могла, помогала их маленькой общине. Ее самолет служил и почтовым, и товарным транспортом, и скорой помощью, и, случалось даже, катафалком. А еще она часто подвозила местных, в основном индейцев и эскимосов, из одной деревни в другую. Обычно они расплачивались с ней мясом лосей и оленей или свежим лососем, и Брайсон это полностью устраивало. При таком способе оплаты Брайсон не опасалась умереть с голоду. И ей крайне редко приходилось охотиться. Охотой же она занималась лишь в крайних случаях. И, несмотря на то, что хладнокровия ей было не занимать, сама мысль о том, что придется отнять жизнь у живого существа, причиняла ей почти физическую боль.

– С радостью, – ответил Ларс на приглашение. – Мэгги в последнее время становится очень раздражительной. Наверное, это из-за того, что столько времени приходится проводить в Беттлсе. А это практически то же самое, что сидеть взаперти.

– Мне, наверное, следовало бы чаще навещать вас. Думаю, сейчас у меня будет на это больше времени, заказов становится все меньше.

– Да уж, сделай милость, навести друзей, – ухмыльнулся Ларс. – Но предупреждаю тебя, Мэгги сейчас весьма злобная штучка.

Брайсон в это время пила пиво, и образ, возникший в ее сознании, заставил ее рассмеяться так внезапно, что она поперхнулась:

– Забыл, как она швырнула в меня половником вместе с его содержимым за то, что я предложила помочь ей помыть волосы?

– Видела бы ты мою одежду. На ней появляется огромное количество пятен стоит только Мэгги проявить свой темперамент! – Ларс потянул за один конец своей огромной рубашки и показал длинный, от груди до пояса, след от кетчупа на его майке.

Брайсон расхохоталась.

– Что я пропустил? – услышав смех, Скитер присоединился к ним с бутылкой пива в руке, как всегда желая быть в курсе всех шуток и сплетен. Его крепкая фигура была заметна издали, в основном благодаря рыжей бороде и черной шерстяной шапочке, которую он носил круглый год, всячески пытаясь скрыть появляющуюся лысину. Свое прозвище он получил вскоре после переезда на Аляску пять лет назад. Тогда он только привыкал к здешним природным условиям и постоянно жаловался на местных комаров, которые, по его словам, были размером с его самолет.

– Просто обсуждаем новую страсть Мэгги к метанию еды по живым мишеням, – ответил Ларс, показывая Скитеру на след от кетчупа. – Чертовски меткая женщина!

– Слушай, я немного увяз тут, пока жду новый пропеллер. Ты случайно не собираешься в Фейрбенкс, когда небо прояснится? – спросил Скитер, обращаясь к Брайсон.

– Дай подумать, – женщина потянулась к заднему карману и вытащила постоянно дополняющийся список дефицитных в Беттлсе вещей, которые ей надо было поискать для местных во время следующего перелета на юг. Только за этот день в список добавилось несколько пунктов: футбольный мяч, увеличительное стекло, микроволновка, подушка, бюстгальтер третьего размера (непременно черный), четыре блока ментоловых сигарет «Virginia Slims» и две коробки сухих завтраков «Frosted Flakes». Изучив этот перечень и прикинув, у кого сразу были бы деньги, чтобы заплатить ей, Брайсон снова взглянула на Скитера. – Думаю, хватит, чтобы покрыть расходы на горючее.

– Отлично. Добавь для меня пару дюжин батареек размера D и железный котел – самый большой, который сможешь найти, и литров 10 апельсинового сока. Хорошо?

– Свежевыжатого с мякотью, да? – усмехнулась Брайсон, дополняя свой список.

– Угу. Мне кажется, нам с тобой известно о здешних людях куда больше, чем даже их родным.

– Это уж точно. Со всеми интимными подробностями! Как будто мне на самом деле интересно знать, что у Грязного Дэна сложный случай геморроя, а у Пита бородавки, от которых он мечтает побыстрее избавиться.

И они снова расхохотались над интимными подробностями жителей городка. Перерыв закончился, и Гриз с Элли вернулись к сцене для следующей композиции.

Они начали играть «Ain't Misbehavin'», которую Элли еще не очень хорошо разучила, но публика к тому времени уже успела выпить довольно много и приветствовала их такими же бурными аплодисментами, как и раньше.

Дженева стояла прямо напротив Брайсон и каждый раз, когда их взгляды пересекались, она поводила языком по своим губам или игриво подмигивала. Брайсон старалась игнориро-

вать это откровенное заигрывание, но она была обычным человеком, и прошло уже много времени с того момента, когда она последний раз поддалась соблазну.

Черт, как бы она хотела, чтобы Джен не напоминала ей о том, как здорово было пустить в ход все эти новые игрушки, которые она заказывала по почте. В этот момент скорое посещение Фейрбенкса казалось Брайсон все привлекательнее и привлекательнее. У нее самой была парочка дополнений, которые она хотела бы внести в список необходимых покупок.

Глава третья

Атланта, штат Джорджия

– Я не уйду, – закричала Стелла, стоя у закрытой двери.

Карла совершенно позабыла о том, что ее лучшая подруга обещала зайти после работы, и была по-настоящему поражена, как незаметно пролетел день. На часах был уже седьмой час вечера, а Карла до сих пор пыталась найти в интернете номер телефона Расмуссенов. Но ее новообращенной семье не было среди жителей Фейрбенкса. Зато сайт whitepages.com благо-родно выдал ей информацию о ста сорока восьми Расмуссенах, живущих на территории штата Аляска. Это, конечно, вселяло надежду, но и несказанно затрудняло поиски. Карла принялась изучать каждого из кандидатов. Увидев запись о Ларсе Расмуссене из Анкориджа, ее сердце сильнее забилося в груди. Мужчине было за шестьдесят, но Карла старалась не терять надежды – этот человек вполне мог оказаться мужем ее потерянной сестры. Трясущимися руками она набрала номер телефона, указанный на сайте. Но была крайне огорчена, что этот Ларс оказался совсем не тем Ларсом, и жены Мэгги у него не было.

Не теряя присутствия духа, последующие несколько часов Карла обзванивала по списку всех Расмуссенов. Но удача ей отнюдь не улыбалась. Те, которые ей ответили, не смогли ничем помочь, а тем, до кого она не смогла дозвониться, Карла оставила голосовые сообщения с просьбой перезвонить за ее счет. Набирая номера один за другим, Карла незаметно даже для себя самой выбиралась из глубин депрессии. Собрав всю волю в кулак, она сделала первый шаг на пути к возвращению своей жизни, и принялась за уборку. Вымыла все кружки и тарелки, собрала распакованные коробки, открыла шторы, позволяя вечернему солнцу проникнуть в комнаты. Наконец, когда в доме все вернулось на свои места, Карла принялась наводить порядок в самой себе. И если браться за ревизию собственных мыслей было явно рано и на данный момент еще слишком сложно, то отправить свое тело в душ, а потом переодеть в чистую одежду оказалось ей вполне по силам.

Прежде чем открыть Стелле дверь, Карла на секунду замерла перед зеркалом. Следы двухнедельного заточения были видны невооруженным глазом: ее лицо осунулось, темные круги под глазами красноречиво говорили о том, как много страданий она перенесла за эти дни. Конечно, до полного восстановления ей потребуется еще очень много сил, но теперь у Карлы было то, что дарило ей веру в завтрашний день – мечта найти сестру. Этот новый смысл жизни показал выход из темного лабиринта постигших ее несчастий.

– Если ты сейчас же не откроешь эту чертову дверь... – угроза Стеллы повисла в воздухе, прерванная резким щелчком замка.

Карла окинула Стеллу взглядом. За прошедшие пару недель, которые они не виделись, та тоже изменилась, но в отличие от Карлы, ей изменения очень шли – длинные золотистые волосы теперь были подстрижены совсем коротко, что добавляло и без того энергичной Стелле еще больше озорства.

– А что будет, если я не открою? Ты разобьешь палатку у меня под дверью? Или вызовешь подкрепление? – Карла попыталась улыбнуться, но улыбка вышла совсем неубедительной. И, конечно же, Стеллу обмануть не удалось: та была превосходной медсестрой и всегда чувствовала чужую боль, легко определяя ее причины даже у маленьких детей.

– Я собиралась сказать, что если ты не откроешь дверь, я разобью окно и все равно попаду к тебе! Поэтому я рада, что мне не придется этого делать, – Стелла нахмурилась, изучая Карлу

пристальным взглядом, словно та была насекомым под микроскопом. – Когда ты последний раз ела? Ты совсем не спала эти дни? Дерьмово выглядишь, подруга.

– И тебе привет, мое солнышко. Может, хотя бы зайдешь? Или ты так и собираешься стоять на пороге и весь вечер говорить про меня гадости? – Карла сделала шаг назад, освобождая проход.

– Я не со зла... Это только потому, что я люблю тебя. Ты ведь знаешь, – Стелла крепко обняла подругу. – Как ты, дорогая моя?

– Бывало и лучше, – Карла высвободилась из объятий и провела подругу к дивану.

Стелла окинула взглядом квартиру, и ее взгляд остановился на коробке с надписью «Тереза Эдвардс»:

– Это вещи твоей мамы?

– Надо было разобрать их, – Карла глубоко вздохнула и медленно выпустила воздух. – Это было непросто. Особенно, когда я добралась до самого дна коробки. Там было письмо, которое мама написала мне много лет назад. Стелла, я узнала из него кое-что совершенно невероятное. Похоже, у меня есть сестра.

– Нифига себе.

– Я тоже так подумала. Мама родила, когда была еще совсем юной, а потом отдала ребенка на удочерение. И я не единственная оставалась в неведении – она не сказала об этом даже моему отцу.

– Ого, – Стелла была удивлена не меньше Карлы. – Это не очень похоже на твою маму. Я имею в виду, что она... Она была такой...

Женщины стали подругами с первых дней в школе медсестер, так что Стелле удалось познакомиться с Терезой Эдвардс еще до того, как та заболела.

– Именно. Моя мать была просто девушкой с обложки журнала «Честность превыше всего», – горький смешок вырвался из груди Карлы. – Но, судя по всему, она унаследовала способность обманывать от моей бабушки, которая лгала еще более виртуозно: долгие годы она следила за ребенком и никогда не говорила моей матери об этом. И лишь незадолго до своей смерти во всем призналась. Стелла, ты только подумай: у всех, абсолютно *у всех*, даже у самых близких людей, есть свои скелеты в шкафу! Я просто не могу в это поверить! И я не знаю, как после этого доверять людям!

– Подожди... Выходит, что твоя бабушка следила за тем, как растет твоя сестра? Ты знаешь, где она сейчас?

– Да, надеюсь. Ее зовут Мэгги Расмуссен. Когда моя мама писала письмо мне, она жила в Фейрбенксе, на Аляске. Но это было тринадцать лет назад, – Карла бросила взгляд на экран компьютера. Ее ящик электронной почты был открыт, и она увидела, что новых сообщений нет. – Я весь день пыталась найти ее, но пока безуспешно. Судя по всему, она тоже ничего не знает ни обо мне, ни о том, что ее удочерили.

– Карла, дорогая моя, а что ты будешь делать, если найдешь ее?

– Черт, даже не знаю. Я вообще-то еще не думала над этим.

Стелла положила руку на плечо Карлы:

– Как я могу тебе помочь?

Карла откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Долгие часы без сна, наконец, дали о себе знать.

– Понятия не имею, что делать дальше. Должен быть какой-то способ... – задумчиво пробормотала она. И вдруг внезапная мысль заставила ее вскочить с места. – А у тебя случайно нет знакомых в полиции? Может быть, стоит попробовать найти Мэгги по номеру водительских прав или чему-нибудь вроде этого.

– Прости, у меня точно нет таких знакомых. Но я поспрашиваю в больнице. У кого-нибудь наверняка найдется друг со связями. Мы найдем какой-нибудь выход, – увидев, как

Карла огорченно вздохнула, Стелла добавила. – Копы часто бывают клиентами «скорой». Если потребуется, я выберу самого симпатичного и брошусь в его объятия. Ради тебя – все что угодно.

Карла не могла сдержать улыбку:

– Смотрю, ты действительно готова на любые жертвы ради меня...

Полицейские совершенно точно не входили в список тех, кто нравился Стелле. Её всегда привлекали плохие парни, особенно если те оказывались татуированными, неотесанными байкерами.

Стелла коварно усмехнулась:

– Да, для тебя я сделаю все, что в моих силах. Но, думаю, великие дела подождут пару часов. Как насчет того, чтобы сходить куда-нибудь перекусить и поговорить об этом? Может быть, у нас появятся какие-нибудь идеи.

– Я бы лучше осталась дома и продолжила поиски в интернете, – Карла снова посмотрела в сторону компьютера. Новых писем по-прежнему не было.

– В таком случае, я схожу домой переодеться, – поднялась Стелла. – Захвачу свой ноутбук и вернусь помочь тебе со всем этим. Как насчет китайской кухни с доставкой на дом? Даже не думай отказываться! Ты выглядишь как скелет.

– Дорогая, ты так обо мне заботишься, – Карла была действительно растрогана. – Если тебе удастся достать говядину по-монгольски, то я, может быть, заставлю себя ее съесть. Так и быть.

– Хорошая девочка, – Стелла снова обняла ее. – Мы найдем твою сестру. И говядину по-монгольски тоже. Не падай духом, я скоро вернусь.

Проводив Стеллу, Карла вернулась к компьютеру. Мысли о сестре полностью завладели ею. Интересно, какая она? Веселая и энергичная? А может быть, сдержанная и серьезная? Высокая или совсем миниатюрная? Какого цвета у нее глаза? Похожа ли она на их маму? Появляются ли у нее ямочки на щеках, когда она улыбается? У Карлы появляются... Какой у нее голос – высокий, звонкий или низкий, грудной? Похожи ли они? И что она, Карла, скажет, когда найдет Мэгги? – *Привет, мы с тобой незнакомы, но ты единственное, что осталось от моей семьи. Ты так нужна мне.*

Карла встряхнула головой и постаралась отогнать грустные мысли. И, тем не менее, все может быть совсем не так, как бывает в телесериалах. Возможно, Мэгги не бросится к ней на шею, узнать всю правду, и совсем не захочет принять ее в свою жизнь. Да, ведь может быть и так: Мэгги Расмуссен абсолютно счастлива, у нее прекрасная семья, множество друзей, ей не нужен кто-то новый и чужой. *Чужой*, – пронеслось в голове Карлы. А ведь вполне возможно, что между ней и Мэгги не окажется ничего, кроме кровного родства...

– Не думай о плохом, – приказала себе Карла. – Сначала надо найти Мэгги. А с остальным разберемся по ходу пьесы. – Карла знала, что не успокоится, пока не доведет дело до конца. Она не собиралась отступать.

Беттлс, штат Аляска

Брайсон Фолкнер смотрела на город из большого окна «Дина», едва различая через пелену снега красный корпус своего «Пайпера». Метель не прекращалась всю ночь, она спрята за своей пеленой все бескрайние пространства ледяной Аляски. Радовало только то, что легкий и пушистый снег почти не оставлял ледяной корки. Впрочем, ветер, который всегда был одной из главных проблем арктических летчиков, никуда не исчез. Сейчас он правил балом и своим протяжным воем подсказывал Брайсон, что на улице лучше не соваться: там не увидеть ничего и на расстоянии десяти сантиметров.

Дверь «Дина» с шумом распахнулась, и на пороге возник Скитер, стряхивающий с плеч снег и топающий ногами. Только после этой практически ритуальной процедуры он вошел в помещение и уселся напротив Брайсон.

– Какие новости? – спросила она.

– А какие могут быть новости? Никто не летает, как ты и сама могла догадаться. И синоптики понятия не имеют, когда погода прояснится. А ты, подруга, застряла здесь минимум на пару дней, – Скитер вытащил пачку «Мальборо», закурил и огляделся по сторонам в поисках Гриза и Элли, но не нашел их. Музыка вчера звучала до глубокой ночи, и все участники группы, за исключением Брайсон, до сих пор спали.

– Элли еще не встала, а Гриз на кухне, – летчица встала, держа в руке пустую кружку. – Я как раз собиралась налить себе еще кофе. Тебе принести?

– Просто мысли читаешь.

Вернувшись и поставив кружку перед Скитером, Брайсон спросила:

– Что там с твоим пропеллером?

– Две-три недели минимум, – он сделал глубокую затяжку и нервно забарабанил пальцами по столу. – Если это затянется дольше, то я тут с ума сойду.

Брайсон прикусила язык, чтобы не расхохотаться. Арктические пилоты всегда становились слишком вспыльчивыми, если долго не поднимались в воздух. Для Скитера же это было, кажется, самым жестоким наказанием. И, несмотря на то, что на его счету аварий было куда больше, чем, к примеру, у Брайсон – включая целую дюжину вынужденных посадок и три крушения – это никогда не уменьшало его страсти к полетам.

– Что случилось на этот раз?

– Ничего, о чем стоило бы рассказать родным и близким. Все как обычно.

Впрочем, Брайсон и так знала, в чем дело: при посадке на полосы, усыпанные гравием, в теплое время года на пропеллер бросало камни, а это, в конечном итоге, могло бы привести к серьезным повреждениям. Каждый арктический пилот знает, что перед надвигающимися холодами все должно быть приведено в полный порядок.

– Слышала о Рэде Мердоке? – спросил Скитер, и его лицо помрачнело.

– Нет, а что случилось?

– Прошлой ночью ему пришлось совершить вынужденную посадку южнее Барроу. Говорят, его самолет обледенел и полностью вышел из строя. С тех пор никаких новостей. Он вез какого-то парня с собакой к ветеринару в Фейрбенкс.

На его месте могла быть и Брайсон. Эта мысль пронеслась в ее голове, но она тут же запретила думать себе о том, что было бы, *если...*

– Когда погода достаточно прояснится, я помогу его искать.

– Я уже сказал спасателям. Полечу с тобой, если ты не против.

– Не вопрос, – ответила Брайсон. Вторая пара наметанных глаз настоящего профессионала никогда не бывает лишней, особенно это касается тех случаев, когда надо прочесать сотни гектаров глуши в поисках маленького самолета. Дело усложнялось еще и тем, что самолет Мердока был отнюдь не приспособлен к арктическим полетам: это был тот же самый самолет, на котором три года назад летчик обрабатывал поля Айовы, – белый Хэвиленд ДНС-2 Бивер. После такого снегопада заметить его с высоты было практически невозможной задачей. И оставалось только верить в то, что Мердок догадается развести костер или подать другой заметный издали сигнал. Именно из-за вынужденных посадок, которые случались очень часто, Брайсон и выбрала красный цвет для своего Пайпера. Самолет Скитера был выкрашен в оранжевый и золотой. В условиях Крайнего Севера каждый боролся за выживание всеми возможными способами.

Скитер затушил сигарету и тут же закурил другую:

– Слушай, Брай, ты видела Ларса сегодня утром?

– Пока нет, а что?

– Да просто я увидел на сайте очень странное сообщение, – Скитер был одним из немногих жителей Беттлса, кто хорошо разбирался в компьютерах. Поэтому он и занимался поддержкой веб-сайта для Независимых Арктических Перевозчиков, базирующихся в Беттлсе. Брайсон и Скитер были двумя из четырех арктических летчиков, имена которых были на этом сайте, а Ларс был одним из шести проводников. – Очень странное. Всего одна строчка: «У Ларса Расмуссена есть жена? Ее зовут Мэгги?». Пепел от сигареты упал на стол, но Скитер не обратил на это никакого внимания.

– А от кого сообщение?

– Подписано «Карла». Ни фамилии, ни номера телефона... Ничего.

– Да уж, странно.

Скитер огляделся по сторонам, убеждаясь, что они все еще одни, и спросил шепотом:

– Как думаешь, у Ларса есть кто-то на стороне?

– У Ларса? – одна только мысль об этом заставила Брайсон расхохотаться. Нет, совсем не потому, что Ларс не мог понравиться женщине. Он был довольно привлекательным мужчиной: высоким, хорошо сложенным блондином, закаленным тяжелой работой. И лишь небольшие морщинки вокруг глаз могли подсказать, что ему уже за сорок. Впрочем, зачастую возраст только украшает мужчину. К тому же, Ларс был очень добрым и отзывчивым человеком – черты, которые так редко можно найти в местных мужчинах. – Да ты с ума сошел! Нет, это исключено. Он предан Мэгги.

– Тебе лучше знать, – Скитер пожал плечами.

– Ты ответил на письмо?

– Ага, – он поерзал на стуле, как будто ждал, что Брайсон не одобрит его поступок. – Написал, что так и есть. Но потом пожалел об этом: наверное, надо было сначала посоветоваться с Ларсом.

– Не думаю, что это может кому-нибудь навредить. Думаю, Ларс и сам разберется, – в голосе Брайсон звучала уверенность, хотя про себя она все же отметила, что было что-то странное в этом послании.

– В чем я разберусь? – раздался голос с лестницы, ведущей на второй этаж.

– Помнишь кого-нибудь по имени Карла? – спросил Скитер, двигаясь к стене и освобождая место для Ларса.

– Карла? – мужчина почесал щетину на своем подбородке. – Не припоминаю. Может быть, это кто-то из той большой компании женщин, которые сплавились по реке. А что?

Скитер рассказал о странном письме, на что Ларс пожал плечами:

– Нет, я не помню. За последние несколько месяцев женщин здесь было очень много. Странно, конечно, что она спросила про Мэгги. Может быть, это какая-то ее знакомая, которая пытается ее найти.

– Я буду держать тебя в курсе, если придут еще сообщения, – Скитер допил остатки своего кофе и потянулся за курткой. – Пойду, пожалуй. Проверю, есть ли какие-нибудь новости про Реда.

Брайсон и Ларс проводили взглядом его темную фигуру, которая скрылась в белой пелене снега.

– Ред Мердок? – в голосе Ларса слышалась такая скорбь, будто летчика не искали, а уже хоронили. Он не сказал больше ничего, но этого и так было достаточно: потеряться во время снежной бури, как правило, означало лишь одно.

– Он хороший пилот. И достаточно прожил здесь для того, чтобы знать, какие вещи нужно обязательно брать с собой в полет, – сказала Брайсон. В любое время года опытные пилоты возили с собой набор для выживания: палатку, спальный мешок, топливо, примус, еду и другие необходимые вещи. Все это помогало не только продержаться несколько дней в слож-

ных условиях, но и провести несложный ремонт своего самолета прямо на льдине, в случае аварийной посадки.

Ларс взял руки Брайсон в свои:

– Я понимаю, что ты сейчас, наверное, вспоминаешь своего отца.

С того страшного дня прошло уже больше пяти лет, но все же воспоминания об отце и о том, что тогда произошло, доставляло Брайсон практически физическую боль, к горлу мгновенно подкатывал ком, а на глазах появлялись слезы.

– Он умер так же, как и жил. Знаешь, Ларс, когда мне становится особенно плохо, я утешаю себя тем, что он не страдал во время крушения. Ему всегда и все удавалось легко – даже умереть. Да, наверное, звучит страшно. Но все же это счастье, – Брайсон опустила голову. На Аляске всем было известно, какой мучительной была смерть летчиков, которым удалось выжить во время катастрофы: низкая температура была сильным и – что куда страшнее – невероятно жестоким противником. Отец же Брайсон погиб мгновенно, когда порывом ветра его самолет отбросило на скалы.

– Значит, ты выдвигаешься сразу, как прояснится? – Ларс продолжал вглядываться в белый мрак за окном, давая Брайсон возможность прийти в себя – и она была благодарна ему за то, что он всегда чувствовал ее настроение.

– Конечно, и не одна я, ты же знаешь. Как всегда.

Воспоминания снова нахлынули болезненной волной. Тогда – пять лет назад – десятки летчиков со всех уголков Аляски присоединились к поискам ее отца. Но обломки самолета все равно удалось обнаружить только через две недели. А это слишком долгое время для мучительного ожидания, которому удастся убить даже самое дорогое и, кажется, бессмертное – надежду.

Ларс утешительно похлопал ее по плечу, будто снова прочел ее мысли:

– Я не забыл о тех стейках, которые ты обещала нам, так что возвращайся скорее.

– Все будет в порядке, – Брайсон резко встала и схватила свою куртку. Она всегда становилась нервной, когда кто-нибудь из пилотов пропадал. Особенно тяжело приходилось, когда погода не позволяла тут же броситься на помощь: тогда Брайсон со Скитером, чтобы помочь хоть чем-то, сидели вместе за рацией.

И если бы что-то подобное случилось бы с ней – а шансы на это были весьма значительные – Брайсон была уверена, что другие пилоты поступили бы так же, как она.

Атланта, штат Джорджия

Карла изо всех сил старалась не обращать внимания на шум, производимый группой рабочих, которые ремонтировали дорогу за ее окнами. В конце концов, грохот стал просто невыносим, и она поднялась с постели. Хотя в этот момент ей больше всего хотелось, как можно дольше удержать сновидение, так бесцеремонно прерванное.

А снилось Карле детство. Ей снова было девять, и она переворачивала вверх дном многочисленные шкафы и ящики их старого дома, где она выросла, а потому все воспоминания о нем были так дороги. И вот сейчас сон оживил в ее памяти те счастливые времена, когда родители прятали для нее подарки, а она, счастливая и воодушевленная этим, с самого раннего утра принималась обыскивать каждый угол. Такой была одна из их семейных традиций – никогда не класть под елку самый желанный подарок, а придумывать для них самое необычное и, разумеется, самое незаметное место.

Но больше всего она любила наблюдать за тем, как родители, складывая под елку все остальные подарки, делают виноватое выражение лица, показывая всем видом, что им не удалось купить то, о чем она так мечтала. А подарок – уже найденный – был в ее руках! Боже, как она любила это торжествующее настроение и ощущение абсолютной победы!

И так происходило каждый год. Каждый, кроме того, когда Карле было девять лет. В тот раз она попросила родителей, чтобы ее сестренка Эмили стала настоящей. Карла так хотела сестру! Родители пытались объяснить ей еще за несколько недель до рождества, что не смогут сделать ей такой подарок. Они спрашивали, чего бы она еще хотела. Но ничего другого ей было не нужно. И невероятным разочарованием стало то, что под елкой она нашла новенький велосипед вместо сестры.

И вот сейчас Карла пыталась удержаться в этом зачарованном мире, который находится где-то на границе между сном и явью. Она сидела на постели и думала о том, что с того времени, когда ей исполнилось девять, прошла целая жизнь, но сон все еще не отпускал ее, так и держал своими яркими образами в том чудесном мире детства. Этот мир она давно считала для себя потерянным, а все те свои чувства и переживания, давно канувшими в прошлое. Но по иронии судьбы – через столько лет она все также готова перевернуть весь дом, чтобы найти сестру. А разница заключается лишь в том, что сейчас мест, где может быть спрятана ее сестра, было куда больше, и они совсем не ограничивались шкафами одного маленького домика. Во-первых. А во-вторых, боль разочарования сейчас будет куда сильнее, и ее вряд ли хоть как-то сможет унять велосипед. Но Карла верила, что отыщет Мэгги, спрятанную в одном из уголков планеты. И та обязательно окажется похожей на Эмили. Только в этот раз все будет по-настоящему.

Проклиная рабочих за то, что по их вине сновидение так быстро ускользнуло, Карла направилась в душ, а после сварила себе большую кружку ароматного кофе.

Вчера Карла вместе со Стеллой практически всю ночь провели за компьютером, покоряя киберпространство и отправляя письмо за письмом до тех пор, пока еще могли бороться со сном. Поэтому, только успев позавтракать, Карла снова принялась за дело. Затаив дыхание, она стала просматривать содержимое своего электронного ящика. Среди шестидесяти семи ответов большую часть составляли письма такие же краткие, как и ее собственное. *«Нет, извините»* или *«К сожалению, я не тот Ларс Расмуссен, которого вы ищете. Я не знаю ни о какой Мэгги»*.

Ожидая того же самого, она открыла сорок девятое письмо. И вскрикнула. *«Да. Жену Ларса зовут Мэгги»*. Карла сначала даже не поверила своим глазам.

Вцепившись в край стола, она снова и снова перечитывала эти слова, а ее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Шанс найти сестру до последнего момента казался настолько слабым, что от такой удачи просто закружилась голова. *Я нашла тебя, Мэгги. Но что же делать теперь?*

Вчера она просмотрела так много сайтов, что не могла сразу вспомнить, какой именно откликнулся. Пришлось заново просмотреть каждый.

Карла пыталась получить хоть какие-то сведения о том, какой была жизнь Мэгги. Ее муж, Ларс Расмуссен, оказался лесным проводником в маленьком городке Беттлсе. Карла тут же нашла это место в Google Maps и впервые смогла оценить, как далеко находилась ее сестра. А была она просто невероятно далеко – более чем в семидесяти тысячах километрах. *Господи, даже Европа ближе*, – подумала про себя Карла.

В течение следующего часа Карла прочла все, что смогла найти в интернете о Беттлсе. «Основан как торговый пост во время Золотой Лихорадки 1898 года. Самый маленький город на Аляске. Классифицирован как изолированный районный центр». Единственная в городе школа была закрыта из-за низкой посещаемости. Неудивительно, учитывая, что по данным переписи 2000 года население городка составляло всего сорок три человека. *Какой же он крошечный!*

Карла не переставала удивляться тому, как же судьба была к ней жестока. За столь короткий срок она обрушила на ее голову столько бед. И вот только на горизонте появилась белая полоса, как вдруг выяснилось, что эта полоса находится не где-нибудь, а за Полярным Кругом! И жизненная драма все больше напоминала голливудский фильм из жанра приключений. А ведь на планете существует бесчисленное множество городов. И для того, чтобы оказаться в

них нужно просто купить билет на самолет, поезд или автобус. Миллионы таких городов! Но ее сестра вряд ли смогла бы найти более отдаленное место на всей планете. Туда не вела ни одна дорога. Ни одна! Страшно даже подумать. И Карла понимала, что самое трудное – не разыскать сестру и даже не найти с ней общий язык – нет! – самое трудное – это добраться к ней. Только глубокой зимой, когда реки, озера и болота замерзли, по ним могла быть проложена дорога, соединяющая Беттлс с магистралью Далтона.

«Занимает второе место в списке городов с самыми значительными перепадами температур: от +30 летом до –40 зимой». *Прекрасная новость! Чувствую, в райское место мне придется отправиться! Глубокой зимой, когда будет дорога...*

Родившаяся и выросшая на юге, Карла ненавидела холод. Дайте ей солнечный пляж и +35 в тени – она была бы на пике блаженства. Карла не любила никаких сюрпризов от природы: снег или град, впрочем, очень редкие для штата Джорджия, по ее мнению не являлись ничем хорошим, а лишь создавали проблемы на дорогах.

«Средняя годовая сумма выпадающего снега – 2 метра». Карла почувствовала, что настало время хвататься за голову и бить тревогу: они с сестрой были абсолютно разными, были абсолютно разными и их жизни. *Мы никогда не сможем стать близкими людьми...*

Карла не понимала, как можно по собственной воле жить в таком месте? Жизнь ведь и без того сложна, но если в обычных условиях ее хоть как-то можно контролировать и подстраивать под себя, то на Севере человек целиком и полностью – только вдумайтесь! – зависит от природы и погодных условий.

Ну хорошо, предположим, что это отличное место. Вот, к примеру, северное сияние... Да, ведь все мечтали увидеть северное сияние... Но один раз, черт возьми! Еще... Что еще у них там есть? Вот хребет Брукс – живописнейшее место. Огромные национальные заповедники, редкие животные, нетронутая природа. Должно быть, действительно красиво. Но почему бы просто не купить альбом с фотографиями, посмотреть дома под теплым пледом, порадоваться, что живем на такой чудесной планете? И все... Ехать-то зачем? Карла совершенно точно не была поклонницей лесных походов. Так еще и при такой низкой температуре. В Джорджии это занятие ассоциировалось в первую очередь с огромным количеством мошкар, огненных муравьев, гадюк и других ядовитых змей.

Карле больше нравился комфортный отдых, без неподъемных рюкзаков за плечами, походной еды и холодных ночей на голых камнях. Хотя можно предположить, что некоторым такое нравится. Неделю, ну может быть, две в крайнем случае... Но как можно жить в таких условиях?

Фотографии местности показали Карле величественные горные пики, тянущиеся до горизонта. Горные долины с такими густыми зарослями диких цветов, словно это не фотография, а картина, на которой художник изрядно приукрасил реальность. Карла разглядывала стада оленей, тысячи и тысячи животных. Невероятно красиво! А от красных, зеленых, синих и желтых полотен, раскинутых на ночном небе, и вовсе захватило дыхание. *Что ж, может быть, и правда есть смысл...*

Карла читала комментарии к фотографиям, оставленные людьми, видевшими все это воочию. Каждый из них был просто наполнен восторгом: бесподобная красота, незабываемые виды, невероятные пейзажи, неповторимое путешествие, потрясюще, великолепно.

Телефонный звонок вернул Карлу назад, из страны вековых льдин в ее обычную квартиру.

– Что-нибудь нашлось? – спросила Стелла.

– Ага. Она живет в Беттлсе, на Аляске. Это небольшой городок где-то в глуши. За Полярным Кругом.

– Далековато, однако. Неужели действительно есть люди, которые хотят жить на Северном Полюсе?

– Кто знает. Кто-то у кого кровь погуще моей, это уж точно. Что-то мне подсказывает, что мы с Мэгги абсолютно разные.

– Ты с ней уже разговаривала?

– Нет. Пока нет. Мне только ответили на е-мейл, что у Ларса, который живет там, жену зовут Мэгги.

– Ну и что дальше? – поинтересовалась Стелла. – Что ты собираешься делать?

Что я собираюсь делать? Карла повернулась в кресле и взглянула на коробки с вещами ее матери. Она могла сделать *только одно*. Ее мать направила Карлу на путь, с которого та уже не могла свернуть. Холодно или жарко, через всю планету или на соседнюю улицу. Простой телефонный звонок в данном случае явно не подходил.

– Собираюсь купить билет на самолет.

Глава четвертая

25 октября, 17:50. Над горой Мак-Кинли, штат Аляска

Карла прильнула к иллюминатору. Она заврожено смотрела вниз, любуясь самой высокой точкой страны: это была гора, которую коренные жители Аляски называли Денали – Величайшая. И сейчас это чудо света сияло, как настоящее золото, в лучах заходящего солнца.

Те восхищения Северным краем, которые Карла видела в интернете, оказались чистой правдой.

Она просто прилипла к иллюминатору с тех самых пор, как они взлетели в Сиэтле. Пейзажи, которые Карла увидела, поражали своей сказочной красотой, необъятной и бесконечной. Они были суровыми и, в тоже время, навевающими спокойствие и безмятежность. Карла впервые видела мир, не тронутый и не испорченный войной, промышленными загрязнениями и городской суетой.

Карла откинулась на спинку кресла и подумала о своей сестре и о вопросах, на которые все еще не было ответа. *Что она скажет Мэгги, когда они встретятся?*

За те три дня, которые понадобились Карле, чтобы подготовиться к перелету, она не могла думать об этом. Она сражалась с собой, не зная, стоит ли ей сначала связаться с Расмуссенами, чтобы предупредить их о своем визите. Это было бы вежливо, и при других обстоятельствах Карла наверняка бы так бы и сделала.

Но страх того, что Мэгги может попросить ее не приезжать был намного сильнее настоящего ей чувства такта. А если она приедет неожиданно, то Мэгги либо сразу отвергнет ее, либо тепло встретит и предложит остаться. Второе – как надеялась Карла – было куда вероятнее, потому что хлопнуть дверью перед носом у человека, куда сложнее, чем просто положить трубку.

Карла заранее оплатила свои счета, чтобы не беспокоиться об этом, договорилась со Стеллой, чтобы та поливала цветы в ее отсутствие, предупредила начальство в больнице о своем отъезде и отправилась за покупками.

И быть может, кому-то покажется, что покупки не такой уж важный этап ее сборов. На самом же деле, в данных обстоятельствах именно это стало одной из самых сложных и затратных частей в плане по спасению собственной жизни. Сложность заключалась в том, что отправлялась она, как уже можно было догадаться, в одно из самых суровых мест на Земле. И для этого нужно было сменить весь гардероб. За этим Карла и отправилась в магазин специализированный одежды. Она понимала, что на дворе не месяц май, а значит, температура в Беттлсе могла опуститься очень низко, особенно ночью. В силу этого, отнюдь не радующего сердце Карлы факта, ей пришлось обзавестись толстым свитером, пуховой курткой и (спасибо техническому прогрессу) термобельем, которое можно было надеть под джинсы и не бояться, что утром не досчитаешься конечностей. Еще Карла купила отличные походные ботинки, теплые лыжные перчатки и вязанную шапку, совсем как у летчиков, которая на ней смотрелась ужасно нелепо. Обновки обошлись ей в довольно кругленькую сумму.

Ее мысли прервало сообщение о том, что самолет начал снижаться для посадки в Фейрбенксе. Пилот извинился за задержку. Из-за недавних проблем с погодой многие вылеты пришли с опозданием, и Карла уже пропустила свою пересадку на самолет, направляющийся в Беттлс. А мысль о том, что придется ночевать в Фейрбенксе, приводила ее в ужас. С нее было достаточно и того, что пришлось целых три дня ждать вылета из Атланты. Нужно было срочно найти того, кто доставит ее в город, где жила Мэгги. После внезапного ухода из ее жизни мамы

и любимого человека, сестра была единственным, что у нее осталось. И хоть обычно Карла не отличалась суеверностью, но сейчас она никак не могла избавиться от нарастающего беспокойства – не к добру все эти задержки. Беда не приходит одна, и Карла очень боялась, что с Мэгги может что-то случиться, прежде чем они встретятся. *Нужно спешить!* Как только они сядут в Фейрбенксе, она обязательно найдет способ преодолеть оставшиеся километры.

Наверняка есть еще один самолет, который летит туда сегодня.

25 октября, 19:00. Фейрбенкс, штат Аляска

Чтобы загрузить все пакеты и коробки, приобретенные во время шопинг-экспедиции, Брайсон пришлось четыре раза сходить от микроавтобуса до Пайпера. Автомобиль принадлежал Гризу и был навсегда оставлен в небольшом ангаре, который снимала для своих нужд Ассоциация Независимых Перевозчиков. Брайсон очень радовалась тому, что большая часть вещей из списка была достаточно компактной и легко уместилась в задней части самолета. Впрочем, другая часть (хоть и меньшая), в задней части не уместилась и вынуждена была лежать на пассажирских сиденьях. И, прикинув увеличившийся вес самолета, летчица порадовалась, что взлетно-посадочные полосы и в Фейрбенксе, и в Беттлсе достаточно длинные.

Когда все было готово, Брайсон закрыла дверцу машины и направилась к терминалу, чтобы оформить свой полетный план и узнать последнюю сводку о погоде. Ей очень хотелось вернуться домой до того, как начнется очередная снежная буря. Но все же она призналась себе, что несколько часов сна сейчас бы совсем не помешали. В поисках самолета Рыжего Мердока, Брайсон провела в воздухе девятнадцать часов. И как только она услышала, что его нашли – в полностью разбитом самолете, но живого и с живыми пассажирами – Брайсон тут же повернула в сторону Фейрбенкса.

Радовало сейчас то, что погода решила сжалиться над ее уставшим организмом и обещала быть благосклонной и не слишком щедрой на неожиданности – небольшие порывы ветра были зафиксированы к северу от аэропорта, но ни дождя, ни снега пока не предвиделось. Недавние штормы, однако, задержали многие коммерческие рейсы, и теперь Брайсон должна была ждать не меньше сорока минут, прежде чем получить разрешение на вылет. Она раздобыла себе чашку горячего кофе и вышла к гейту, с которого отправлялись рейсы в Беттлс. Летчица хотела посмотреть, кто сегодня работает. За стойкой регистрации стояла очаровательная Сью Спайрс.

Брайсон с огорчением признала, что сейчас у нее не было ни времени, ни сил на то, чтобы подцепить эту соблазнительную блондинку. Но летчица планировала договориться о свидании в самом ближайшем будущем, ради чего она даже планировала снова навестить в Фейрбенкс. Короче говоря, Брайсон все прекрасно распланировала, но не учла одной маленькой проблемы – в этот самый момент Сью обслуживала клиентку. И вроде бы тут нечему удивляться, но именно эта случайность и спутает все планы Брайсон.

Летчица встала неподалеку, в ожидании, что клиентка вот-вот оставит предмет ее интереса – Сью – в покое. Но клиентка, очевидно, так просто уходить не собиралась. Последний самолет в Беттлс вылетел двадцать минут назад и, судя по всему, эта женщина должна была быть на нем. Она выглядела очень уставшей и, кажется, разозленной. Суежилась, хмурилась и непрерывно жестикулировала, что-то высказывая Сью. С первого взгляда становилось понятно, что она просто горит желанием вылететь в Беттлс до следующего рейса по расписанию. Она часто поглядывала вверх на информационное табло, в надежде, что там волшебным образом появится какая-нибудь альтернатива.

Брайсон не могла припомнить, чтобы видела эту женщину в Беттлсе раньше. Она бы непременно запомнила ее стройную фигуру, не менее соблазнительную, чем у Сью. Незнакомка была примерно того же возраста, что и Брайсон, может быть, на пару лет моложе. Взгляд

отважной летчицы скользнул по волосам цвета карамели, пряди которых мягкими волнами спускались к плечам. Приятными были и тонкие черты лица – высокие скулы и слегка вздернутый носик. Но восхитительные карие глаза незнакомки были очень грустными, и никакая косметика не могла скрыть темные круги под ними. *Я бы точно ее запомнила, будь она когда-нибудь у нас*, – подумала Брайсон.

Сью была как обычно вежлива и спокойна, внимательно выслушивая и сочувственно улыбаясь клиентке. Но женщина, обратившая на себя внимание Брайсон, явно не хотела слышать отказа. Сью же только пожала плечами и беспомощно покачала головой, давая понять таким образом, что разговор окончен. «Ужасно, – думала она. – Просто ужасно, что среди красивых женщин так много эгоисток, которые ведут себя так, будто весь мир вращается вокруг них. Что такого важного может быть в Беттлсе, что не может подождать несколько часов? Не понимаю».

Но женщина продолжала приставать к Сью. Она стояла, опершись локтями на стойку и перегнувшись так сильно, будто хотела заглянуть в монитор и убедиться, что больше нет никаких вариантов попасть в Беттлс сегодня.

Ну хватит уже. Давай проваливай, – чуть было не закричала Сью. Эти слова повторяла про себя и Брайсон, которая вообще-то пришла сюда для того, чтобы назначить свидание своей старой знакомой. К тому же летчица должна была поспешить – она рисковала пропустить время своего вылета. Поэтому она сделала пару шагов вперед.

– Проверьте еще раз. Должен быть еще какой-то способ туда добраться. Что-то о чем вы сразу не подумали, – в голосе клиентки слышалось отчаяние, граничащее с безумием. – Вы же не проверили всех мелких перевозчиков.

– Мне очень жаль, мисс Эдвардс, – Сью изо всех сил старалась сохранять спокойствие, но от Брайсон не ускользнули нотки раздражения в ее голосе. – Как я уже сказала, вылет, который вы пропустили, был последним на сегодня. Самое раннее, когда вам удастся вылететь, – это рейс Вraith Эйр в 10:00. Я зарезервирую для вас одно место.

– А как насчет чартерных рейсов? – не сдавалась женщина. – Сколько они стоят? Я видела много их буклетов возле туалета.

– Срочный рейс ночью будет стоить довольно дорого, – ответила Сью. – Примерно девятьсот долларов, я думаю.

Учитывая, что это было примерно в пять раз больше того, сколько женщина заплатила за билет на рейс, который пропустила, Брайсон не особенно удивило выражение смятения на ее лице.

– Девятьсот? Это просто возмутительно. Кто заплатит такую сумму за двухчасовой перелет?

Когда Сью не ответила, Брайсон на мгновение показалось, что дело, наконец, закончено. Плечи обладательницы карамельных волос поникли под тяжестью разочарования, и похоже было, что она готова расплакаться. Но секунду спустя девушка уже взяла себя в руки. Она сняла свою, судя по всему недавно купленную куртку, положила ее на стойку, готовясь к следующему раунду противостояния. Было совершенно ясно, что она не планирует покидать поле боя, пока не получит то, за чем пришла.

– Проверьте еще раз, – скомандовала она. – Позвоните кому-нибудь, не сидите в этом компьютере. Может, если бы вы *поговорили* с пилотами, то смогли бы найти желающего подвезти меня.

Брайсон бросила взгляд на часы. Ее вылет должен быть через пятнадцать минут, и она больше не могла зависать здесь без дела. Обычно ей бы и в голову не пришло прерывать Сью, когда та общается с клиентом, но то, что она собиралась сказать, требовало лишь пары секунд – *Завтра вечером ты свободна?* И было похоже, что Сью сейчас не помешает чья-то помощь. Возможно, ее короткое вмешательство немного утихомирит настойчивую клиентку.

Брайсон вышла из-за колонны, чтобы Сью смогла ее заметить. Когда их глаза встретились, лицо служащей аэропорта просветлело.

– Брайсон! Привет, – она помахала ей рукой, не обращая внимания на то, как нахмурилась клиентка, поворачиваясь, чтобы увидеть виновника очередной заминки. – Как поживаешь? Я как раз...

– *Простите*, – сердито прервала ее незнакомка. – Я обратилась к вам первой и со мной вы еще не закончили.

– Это именно то, что я *пытаюсь* сделать, – ответила Сью сквозь стиснутые зубы. Ее глаза молили Брайсон о помощи. – Прошу тебя, скажи, что ты возвращаешься домой, и у тебя есть местечко для пассажира.

Тень надежды мелькнула в глазах незнакомки. И, подойдя поближе, Брайсон смогла заметить золотые искорки в ее глубоких карих глазах.

– Великолепно! – воскликнула женщина так, будто вопрос уже был решен.

Черт. Это совсем не входило в планы Брайсон. Нет уж, она ни за что не возьмет мисс Ворчунью к себе на борт.

– Простите, ничем не могу помочь. Доверху забита.

– Вы просто обязаны мне помочь. Я в отчаянии! Мне обязательно надо быть в Беттлсе сегодня, – женщина схватила Брайсон за локоть. – Позвольте мне поговорить с вашими пассажирами. Может быть, кто-то из них согласится поменяться со мной местами и вылететь утренним рейсом.

Брайсон покачала головой:

– Нет, это невозможно.

– Откуда вы знаете, если даже не позволили мне попытаться? – настроение женщины снова изменилось – хватило пары секунд, чтобы ярость сменилась надеждой, надежда – маниакальной энергией, которую мгновение спустя снова затмила ярость. – Просто дайте мне пять минут. Черт побери, хуже от этого никому же не станет!

Брайсон высвободила свой локоть из хватки женщины.

– Вы не поняли. Я перевозжу грузы, а не пассажиров. И мой самолет загружен практически доверху. Забит под завязку. И мне уже пора уходить, иначе я пропущу время своего вылета, – Брайсон хотела на прощание махнуть рукой Сью, но незнакомка снова схватила ее локоть.

– Грузы? – удивленно переспросила она. – Я уверена, что не будет проблемы в том, чтобы оставить пару *вещей* здесь на некоторое время. Я бы дополнительно заплатила за это неудобство.

А ей не занимать смелости, раз уж она не допускает и мысли о том, что Брайсон может взять что-то поважнее этой капризной принцессы с толстым бумажником. И пусть багаж по большей части составляли игрушки и разная мелочь вроде средства для удаления бородавок, а не медикаменты или жизненно важное оборудование, но ведь принцесса об этом не знает. К тому же для тех, кому эти посылки предназначены, они являются ценным грузом, и все очень ждут возвращения Брайсон.

– Как я уже сказала, мне очень жаль, но я ничем не могу помочь.

– Дело не в том, что вы не можете, – женщина отпустила руку Брайсон и стукнула кулаком по стойке регистрации, с видом полного разочарования и отвращения на лице. – Дело в том, что вы не хотите. Неужели у вас не найдется ни грамма сострадания? Где то самое знаменитое гостеприимство жителей Аляски, о котором я так много читала?

Брайсон прикусила губу, пытаясь сохранить спокойствие и вести себя вежливо.

– Многие люди – мои друзья – очень ждут эти грузы. Половина города сейчас в ожидании моего возвращения, и я не хочу их расстраивать. Погода может не позволить мне вернуться, если я оставлю часть груза здесь, – Брайсон уже хотела добавить последнее и окончательное *НЕТ*, когда Сью вдруг вышла из-за своей стойки и легонько толкнула ее в бок.

– Брайсон, *умоляю*, – прошептала она. – Она от меня не отстанет. Ты же не хочешь, чтобы я застряла здесь на всю ночь? Окажи мне эту маленькую услугу, и я обещаю, что отплачу тебе.

– Я не займу много места, – сказала незнакомка. – И это весь мой багаж. – Девушка жестом указала на спортивную сумку. Сумка была такая же новенькая, как и вся одежда. Сапоги совсем недавно достали из коробки, а теплая куртка, лежавшая на стойке, выглядела такой блестящей и нетронутой, что Брайсон удивилась, не обнаружив на ней ценника. Эта женщина, очевидно, прибыла из более мягкого климата, но у нее, по крайней мере, хватило здравого смысла одеться соответственно тому месту, куда она собиралась.

Пару дополнительных очков этой таинственной мисс Эдвардс добавляло еще то, что она не была из тех женщин, которые таскают за собой полдюжины огромных чемоданов. Клиентам очень не нравилось когда их просили оставить большую часть багажа, поскольку в Пайпер все это влезть не могло. Брайсон наклонилась к Сью и сказала шепотом:

– Ты мне по гроб жизни будешь обязана за это.

– С нетерпением жду дня расплаты, – Сью многообещающе подмигнула в ответ. – Ты самая лучшая, Брайсон. Спасибо.

– Я просто слишком устала, чтобы спорить, – выдавив из себя улыбку, Брайсон обернулась к незнакомке. – Хорошо. Если вы не передумали, то берите свой багаж и следуйте за мной. – Летчица направилась к двери, ведущей к ангару, где и стоял ее самолет. Мисс Эдвардс шла следом, едва не наступая Брайсон на пятки.

– Мы не обсудили оплату, – незнакомка порылась в кармане джинсов и выудила билет на самолет, который пропустила. В графе рядом с фамилией Брайсон увидела ее имя – Карла. – У меня не было возможности вернуть деньги за этот билет.

– Вы сможете сделать это утром уже в Беттлсе, – Брайсон толкнула дверь и они вышли. Температура воздуха была не очень низкой, около –4.

Звук упавшей на землю сумки заставил Брайсон обернуться – ее клиентка второпях надевала куртку, натягивала огромные лыжные перчатки и вязаную шапку, которая была ей на пару размеров велика.

Брайсон подавила улыбку.

– Так сколько вы с меня возьмете? – с подозрением в голосе поинтересовалась Карла Эдвардс, когда они возобновили свой путь к ангару.

– Мне хватит того, что вы получите за свой билет. Не могу позволить себе взять большего, потому что всю дорогу вы проведете в ужасной тесноте. Я бы хотела оставить здесь как можно меньше вещей.

– Это очень щедро с вашей стороны, – сказала женщина. – Служащая аэропорта говорила мне, что обычно вы дерете втридорога за ночные перелеты.

Ее обвинительный тон заставил Брайсон ошетиниться. *Попридержи коней, дорогуша. Мы еще никуда не вылетели, и я всегда могу передумать.*

– Некоторые пилоты требуют большую сумму за ночные рейсы, это так, – признала Брайсон. – Ночью лететь гораздо опаснее, особенно по некоторым маршрутам. Пилоты хотят получить дополнительный гонорар за сверхурочную работу в то время, которое они бы с удовольствием провели со своими семьями. Что в этом плохого?

– Наверное, ничего. А почему вы не берете с меня больше обычного? Вы могли бы с легкостью воспользоваться моим безвыходным положением.

– Я вообще не хотела вас брать, – напомнила ей Брайсон.

– Ах, точно, – женщина затихла и не проговорила ни слова, пока они шли к ангару. – Вы выглядите слишком молодой для пилота. Вы же квалифицированы для перевозки пассажиров, не так ли?

– Моей лицензии уже двадцать три года, – Брайсон откатила в сторону створку ворот и включила свет внутри ангара. – И все это время я летала над Аляской, в любую погоду, которую вы себе только можете вообразить.

Но эти слова, судя по всему, не убедили клиентку, потому что в ответ Брайсон услышала совсем не то, что ожидала.

– О. Боже. Мой.

Брайсон резко обернулась, чтобы увидеть лицо своей пассажирки. Мисс Карла Эдвардс в ужасе уставилась на Пайпер.

– Мы полетим на *этом* крохотном самолетике?

Глава пятая

– Кажется, даже легкий порыв ветра может сбить его в один миг, – Карла определенно никогда раньше не видела таких маленьких самолетов. По крайней мере, не так близко. Да и то лишь в кино – преследующими Гари Гранта в «К северу через северо-запад» или разбивающимися в «На грани», «Шесть дней, семь ночей» и «Эй, я жива!». Именно такие самолеты сотнями падали в старых фильмах о войне. В новостях их чаще показывали в виде обломков после того, как они врезались в дома или вспахивали собой поля. *Такие маленькие и хрупкие!* От этой мысли в жилах стыла кровь. Более того, Карла знала, что как раз в таких самолетах погибло множество знаменитостей. Вот, к примеру, Бади Холли, Джон Денвер, Пэтси Клайн, Джон Кеннеди младший. Карла раньше очень любила читать биографии. Знать их оказывалось полезным во время викторин на радио. Но в данный момент Карла думала о том, что очень зря это делала, и молила Бога только о том, чтобы он помог ей выкинуть все это из головы.

– Я опытный пилот, – уверенно ответила Брайсон. – И это отличный самолет для севера. Пайперы очень маневренные и могут садиться практически где угодно.

– Во что я ввязалась? – сказала Карла вслух, не вполне отдавая себе в этом отчета. Ее ноги отказывались сделать хотя бы шаг в направлении самолета.

– Эй, если ты не хочешь лететь, я уговаривать не собираюсь, – услышала она голос своего пилота. – Ты можешь подождать завтрашнего рейса. Там в самолете девять мест.

Круто! Значит, он на целый метр длиннее. И все равно он будет крохотным по сравнению с любым из тех самолетов, на которых приходилось летать Карле. Лучше уж покончить с этим как можно быстрее.

– Нет, я лечу с тобой.

– Ну, как хочешь, – Брайсон быстро взглянула на свои часы и открыла пассажирскую дверь. – Придется поторопиться, чтобы не прозевать время моего вылета. Мне бы не помешала твоя помощь.

– Хорошо, – Карла заставила себя подойти к самолету и положить свою сумку у ног Брайсон. Как только она решилась лететь, ее сердце как будто сорвалось с цепи, и Карла почувствовала легкое головокружение. Пытаясь успокоиться, она сделала несколько глубоких вдохов.

Брайсон передала ей связку ключей и указала жестом на потрепанный микроавтобус, припаркованный в ангаре:

– Открой заднюю дверь, пожалуйста. Потом ты можешь взять все вещи, которые лежат на твоём сидении, и перенести их в машину, пока я расчищаю сзади место для твоей сумки. Вытаскивай только то, что мешает тебе сесть.

– Хорошо, – снова повторила Карла. Изнутри самолет выглядел еще меньше, чем снаружи, особенно сейчас, когда он от пола до потолка был забит коробками и сумками. Три больших пакета были пристегнуты ремнем безопасности на пассажирском сиденье. Пока она переносила эти пакеты в машину, то смогла заглянуть внутрь одного из них: апельсиновый сок, сухие завтраки, шоколадное печенье. В другом было несколько бюстгальтеров и большая пуховая подушка. *Да уж, действительно предметы первой необходимости. Миллионы людей страдают, если это не доставить в Беттлс сегодня,* – подумала Карла. Она украдкой бросила взгляд на темноволосую женщину, которой готова была доверить свою жизнь. *Просто не хотела меня брать с собой. Вот стерва.* Жаль, конечно, поскольку эта женщина казалась весьма привлекательной. Она была одета в плотную кожаную куртку, из-за чего весьма сложным становилось представить, как сложена верхняя части ее тела. Но зато были прекрасно видны ее стройные бедра, плотно обтянутые джинсами, когда та наклонилась вглубь самолета, чтобы уместить там сумку. Впрочем, возраст пилота Карле удалось разглядеть не так хорошо,

как ноги: казалось, что летчице не больше тридцати, но это было просто невероятным, судя по ее стажу работы.

И все же выглядела Брайсон просто сногшибательно, Карле пришлось это признать, – ни следа морщинок вокруг ее темных карих глаз, никаких складок вокруг полных губ, линия подбородка круглая, но подтянутая. *Видимо, здешний климат полезен для здоровья. Надо будет поделиться своими мыслями с читательницами «Cosmopolitan», заодно и увеличить поток туристов в чудесный край Заполярья,* – думала Карла, глядя на длинные темные волосы летчицы, собранные сзади в конский хвост. В своей вязаной шапочке с вышитым слоганом «Я могу подвезти тебя» она вполне бы вписалась в студенческую команду по софтбоулу. Да, Брайсон казалась совсем молодой и полной сил, но что-то в ее поведении и взгляде говорило о том, что перед Карлой была взрослая и повидавшая на своем веку женщина. И, может быть, она и не была самым гостеприимным и дружелюбным человеком на Аляске, но она излучала уверенность, что и помогало Карле избавиться от тяжести, которую она ощущала внутри.

Карла заставила себя больше не думать о прекрасной летчице и вернулась к самолету, чтобы перенести еще две коробки. На одной из них было написано «Горные сапоги Sorel, мужские, 45-й размер». В другой были медикаменты: крем от геморроя, крем от грибка, средство от бородавок, подкрашивающее средство для волос, слабительное. *Очаровательные у тебя друзья. Большеногие мужики с геморроем, вонючими ногами и запорами. И не стоит забывать о бородавках.* Карла не могла не рассмеяться, представив себе все это. Ее беспокойство постепенно отступало.

Брайсон повернулась и заинтересованно посмотрела на свою пассажирку:

– Я что-то пропустила?

Щеки Карлы вспыхнули.

– Нет. Просто веселая мысль мелькнула, – она улыбнулась. Впервые за несколько прошедших недель. Но радость, вытесненная печалью и неопределенностью ее положения, ускользнула так же быстро и внезапно, как появилась. Эти резкие перепады настроения изматывали Карлу, но она не могла ничего с собой поделать.

Что, черт побери, я делаю? Лететь на край света, чтобы удивить Мэгги, – это было так не похоже на Карлу. Внезапное решение отправиться на Аляску не избавило ее от ощущения одиночества. Напротив, даже усилило его, потому что Карла оставила все, что ей было дорого и знакомо – друзей, дом, работу.

И снова Карла задумалась над абсурдностью ее путешествия. С того момента как она прочитала письмо, идея найти свою сестру полностью поглотила ее. Карла едва не утратила контроль над своим рассудком, и теперь, стоя здесь, она вдруг ясно осознала истеричность того порыва, который привел ее на край света. В считанные дни из ее жизни было вырвано все хоть сколько-нибудь значимое – чувство семьи и опоры, счастье, планы на будущее. Она осталась полностью опустошенной, и ей нечего было терять. Взор Карлы помутился, и она схватилась за край двери самолета.

– С тобой все в порядке? – крепкая рука Брайсон схватила женщину под локоть.

– Да, все нормально, – Карла стряхнула с себя ее руку. Ей не нужна была ничья помощь. Со своими проблемами она должна справиться сама. – Просто устала сильнее, чем мне казалось.

– Как скажешь, – в голосе пилота звучала легкая обида. Она усадила Карлу и надежно пристегнула ремнем безопасности. – Можешь поспать во время полета, если хочешь.

Конечно, поспишь тут! И, несмотря на то, что Карла невероятно устала, сон как рукой сняло, стоило только ей оказаться в салоне и увидеть приборы и рычаги управления. Вся рискованность ее сумасшедшей поездки предстала особенно отчетливо. Пока пилот медленно обходила самолет снаружи, внимательно осматривая их транспортное средство, Карла изо всех сил боролась с отчаянным желанием выскочить и убежать.

Брайсон вывела самолет наружу и закрыла ворота ангара. Потом она забралась в кресло пилота и, полуобернувшись, посмотрела на Карлу:

– Я обязана рассказать тебе байку, под названием *«Что-делать-в-случае-аварии»*. Обычно все это и так знают, но сейчас все будет немного иначе, поскольку здесь только ты и я, а Аляска – это место, которое не прощает ошибок.

Те вещи, которые могли в той ситуации, о которой Карла даже боялась подумать, спасти им обеим жизнь, Брайсон произносила таким тоном, словно это были совершенно скучные и никому ненужные формальности. Но Карла ловила каждое слово.

– Турбулентность может ощущаться сильнее, чем она чувствуется в больших самолетах. К северу отсюда трясина будет довольно сильно, но в этом не будет ничего, с чем бы я не сталкивалась уже тысячу раз или с чем не мог бы справиться Пайпер. Мы не будем подниматься на такую высоту, где может понадобиться кислородная маска, – интонации Брайсон оставались самыми обыденными. – В весьма маловероятном случае аварийной посадки, сиденье кресла может быть использовано как плавучее средство. Под моим креслом закреплен огнетушитель, а сзади находится аптечка. А вот здесь красная сумка с набором для выживания: палатка, спальный мешок, примус, вода, пища и пистолет.

Набор для выживания? Пистолет?! Сердце Карлы снова бешено забилося.

– Все понятно? – спросила Брайсон.

Карла лишь кивнула, опасаясь, что голос выдаст нарастающую в ней панику.

– Значит, можем вылетать. Кстати, меня зовут Брайсон. Брайсон Фолкнер, – сказала летчица, пристегиваясь и надевая шлем. – Обращайся, если будут вопросы.

Она завела двигатель, и пропеллер начал вращаться. Звук был подозрительно громким, но Брайсон вела себя совершенно спокойно. Пайпер начал движение к взлетной полосе, пристраиваясь следом за другим самолетиком. После на удивление короткого разбега по взлетной полосе, они поднялись в воздух, и вскоре огни Фейрбенкса исчезли из виду. Через пару минут под ними была лишь непроглядная тьма.

Однако Карла уже достаточно насмотрелась на Аляску из окна самолета, доставившего ее в Фейрбенкс, и теперь прекрасно представляла себе пейзажи, простирающиеся под ними. Горы с белыми шапками снега, тянущиеся со всех сторон до самого горизонта. Дикие ручьи. Бесконечное одиночество ледяной пустыни.

Самолет поймал небольшую воздушную яму, но это не было слишком страшно. Немного тряхнуло, как во время поездки на аттракционе. К тому же, Брайсон предупреждала ее об этом, так что Карла практически не испугалась. Но потом самолет резко провалился вниз метра на три, и Карла почувствовала тошноту, появляющуюся у нее во время сильного волнения.

– Мне холодно, – сказала она, сжимая в руке ожерелье из тигрового глаза. – Ты можешь включить печку чуть сильнее?

– Конечно, – Брайсон повернула рукоятку на контрольной панели, но Карла не ощутила никакой разницы. Она наклонила голову, пытаясь понять, откуда должен идти теплый воздух и заметила, как Брайсон зевнула и потерла глаза. Не прошло и пары минут, как она зевнула снова.

– Ты уверена, что тебе можно лететь? Кажется, ты заснешь с минуты на минуту.

Брайсон немного выпрямилась и несколько раз моргнула:

– Я в норме.

Когда спустя некоторое время она опять зевнула, беспокойство Карлы снова дало о себе знать. Может быть, если ей удастся разговорить Брайсон, то профессиональную летчицу, как та себя отрекомендовала, не будет так клонить в сон. Да и Карла смогла бы забыть, что она летит над бескрайней тайгой в маленькой консервной банке со спящим на ходу пилотом.

– Знаешь, Аляска – все же очень красивое место с великолепными видами. Но я не представляю, почему люди по своей воле живут здесь?

– Конечно, не каждый захочет, – ответила Брайсон. – Большинство людей не может жить без своих широкоформатных телевизоров, мобильных телефонов, не говоря уже о холодильниках или электрическом освещении. Черт, здесь иногда трудно достать даже самое необходимое – скажем, пластырь или алюминиевую фольгу. А порой все сообщение и вовсе прерывается на несколько недель. Погода может не давать тебе взлететь довольно долго – тогда приходится полагаться на то, что есть под рукой и обходиться самым малым.

– Ты живешь в Беттлсе?

– Нет, у меня свой домик километрах в сорока отсюда. В горах, – добавила Брайсон. – Ну, километров сорок по воздуху. По реке почти в два раза дольше.

– Значит, ты очень много времени проводишь в этом самолете.

– Ага. Перевожу клиентов в основном. Пару раз в месяц привожу в Беттлс необходимые грузы. Это в теплое время года. Когда все замерзает, жители города прокладывают временную дорогу к главной автомагистрали, и тогда всего становится вдоволь. Такой способ гораздо дешевле, поэтому все стараются закупиться на весь год.

– Я читала в интернете, что в Беттлсе живет всего сорок с чем-то человек.

– Это, наверное, по переписи 2000-го года. Сейчас только двадцать семь. Когда закрыли школу, некоторые семьи нас покинули. Зато несколько чичаков приехали.

– Чичакас? – звучит, как название сухого завтрака.

– Новичков, которые переехали сюда из-за большой любви к Аляске и с надеждой на то, что смогут здесь жить. До тех пор пока они не поймут, как это трудно. Проведешь здесь пару зим – и ты «старатель». Название осталось еще со времен Золотой Лихорадки. Если ты думаешь, что нам тяжело живется, то представь себе, во сколько раз сложнее было людям, которые работали здесь на рудниках.

– Это возвращает меня к тому, с чего я начала, – Пайпер опять резко провалился на несколько метров, и Карла вжалась в кресло. Она не могла говорить, пока самолет не выровнялся. – Ты говорила, что летаешь над Аляской больше двадцати лет. Но зачем? Ведь можно найти не такую опасную работу... Почему ты живешь здесь?

Карла надеялась, что, узнав ответ на этот мучивший ее вопрос, она сможет лучше понять, что за человек ее сестра.

– Причин, по которым люди живут здесь так же много, как и гор на Аляске, – Брайсон вспомнила о долгих беседах со своими друзьями на эту тему. Некоторые местные жители не любили рассказывать о том, почему они переехали сюда. Быть может, кого-то разыскивала полиция. Или это были нелегальные эмигранты. Или просто необщительные и помешанные на природе люди.

Большинство, однако, не скрывали причин, которые привели их на Аляску. Элли и Гриз – вечные дети цветов. Их прошлое проглядывало на майках с пацифистским знаком и в превосходной коллекции музыки шестидесятых и семидесятых годов. Семейная пара прибыла сюда, чтобы слиться с окружающим миром и основать коммуны. К сожалению, этому желанию не суждено было сбыться. Зато вместо коммуны в Беттлсе появилась гостиница, которая и привлекла новых поселенцев.

Скитер был профессиональным пилотом в одной из крупных авиакомпаний и часто летал над Аляской. То, что он видел сверху, настолько зачаровало его, что он захотел увидеть все это вблизи. И когда во время отпуска он смог это сделать, то уже не захотел возвращаться к прошлой жизни. Он уволился, купил себе небольшой самолет и обосновался в Беттлсе, присоединившись к компании вольнонаемных пилотов, среди которых была и Брайсон. Скитер прижился довольно легко, возможно потому, что раньше работал в Миннеаполисе, и на его долю выпало немало сильных штормов и критических температур. Мужчина просто обожал независимость в своей работе и от души наслаждался пейзажами Аляски. Плюс ко всему теперь он мог курить одну сигарету за другой и не бриться каждое утро.

Ларс и Мэгги встретились в Гейтсе, в Национальном Арктическом Заповеднике, когда еще были подростками. Мэгги путешествовала, заодно выполняя научные исследования для учебы в Университете Аляски. А Ларс тогда был студентом Университета в штате Мичиган. Как-то он решил во время своих каникул порыбачить в глуши. И эта поездка изменила всю его жизнь. С самой первой встречи Ларс и Мэгги стали неразлучны. И когда пилот Ларса, отец Брайсон, вернулся, чтобы забрать своего клиента через восемь дней после высадки, Мэгги полетела с ними. Они практически сразу поженились и жили в Фейрбенксе до тех пор пока не получили дипломы. Ларс – по экологии и природоохранной биологии, а Мэгги – по общей биологии растений и животных. Затем пара перебралась севернее, поближе к месту, где они впервые встретились.

– Большинство просто одиночки, наверное, – Брайсон, наконец, очнулась от своих мыслей. – Они переезжают сюда, чтобы насладиться простой, скромной жизнью, предлагая природе испытать их всем, на что она способна. Некоторые из них бежали от чего-то или от кого-то и не хотят, чтобы их нашли. Кто-то просто хочет убраться подальше от тупых законов и ограничений, запрещающих им жить так, как они хотят. Что касается меня, Аляска в моей крови. Я родилась здесь.

Брайсон обычно не любила рассказывать о себе клиентам, но разговор помогал ей бороться с усталостью. И она продолжила:

– Какое-то время я жила в Фейрбенксе, но даже он был для меня слишком большим городом. Не могу представить себя в каком-то другом месте. Мне нужно дышать свежим воздухом, видеть звездное небо, слышать вой волков по ночам, просыпаться каждое утро и наслаждаться пейзажем, от которого захватывает дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.